

Анна Овчинникова

Меч Гардарики

Мы жили в зеленых просторах,
Где воздух весной напоен,
Мелькали в потупленных взорах
Костры кочевавших племен.

Одеты в косматые шкуры
Мы жертвы сжигали тебе,
Тебе, о безумный и хмурый
Перун на высоком столбе!

Мы гнали стада по оврагу,
Где бисером плещут ключи,
Но скоро кровавую брагу
Испьют топоры и мечи...

Багрицкий, «Славяне»

Прыгай, судно!.. Видишь — над тобою
Тучи разверзаются, и в небе —
Топот, визг, сияние и грохот...
Воют воины... На жарких шлемах
Крылья раскрываются и хлещут.

Звякают щиты, в ножнах широких
Двигутся мечи, и вверх воздеты
Пламенные копья... Слышишь, слышишь,
Древний ворон каркает и волчий
Вой несется!..

**Багрицкий, «Сказание о море, матросах и
«Летучем Голландце»**

Глава первая. Непр

«Рычащий волк» скользнул за поворот реки, и почти сразу Бруни закричал, показывая вправо.

Лес здесь отступил от берега, и на широком зеленом пространстве между водой и темной полосой дубравы показались невиданные чудовища: громадные, косматые, с тяжелыми головами, с круто загнутыми рогами. Они брели по зеленой траве, не обращая внимания на покрикивающих над ними птиц и на таких же крикливых людей на длинном судне, скользящем по широкой реке.

Команда «Волка» уже привыкла к изобилию зверья и птиц в здешних краях, но таких чудищ многие видели впервые — поэтому все, кто не сидел на веслах, устремились на правый борт,

чтобы получше рассмотреть огромных гривастых зверюг. Все, кроме Асгрима: он точил меч и даже не поднял глаза от точильного камня, скользящего по клинку.

Меч был дрянной, никакая точка не смогла бы выправить уродующие клинок глубокие зазубрины, но Асgrim Рагнарсон все свободное время нянчился с этим мечом, как женщина — со своим ребенком-заморышем.

Ярл Харальд, стоя у рулевого весла, гаркнул на людей, слишком сильно раскачавших судно, посмотрел на Асгрима и вздохнул. Побратим ярла, Рагнар, вряд ли узнавал сейчас своего сына, глядя на него из Вальгаллы. Раньше голос и смех Асгрима распугивали птиц на берегах, мимо которых шел «Рычащий волк», а его саги делали короткими долгие морские переходы — но теперь чаще голоса молодого викинга раздавался скрип точильного камня по его мечу.

Харальд снова вздохнул и покачал головой, вспомнив тот проклятый поход к берегам Галисии, когда вместо погибшего в стычке с данами Рагнара на «Рычащем волке» в набег отправился его старший сын Асgrim. Асgrim Звонкоголосый, Асgrim Неистовый. Самоуверенный юнец с буйной гривой светлых волос, мечтавший стать великим воином и таким же великим скальдом.

Всю дорогу до Галисии Харальд посмеивался,

слушая безудержное хвастовство мальчишки: он-де знает тайную магию рун, он сочиняет драпы лучше всех от Эйра до Хетеби, он сложит об этом походе такую сагу, что ее услышат даже эйнхерии¹ в чертогах Одина! Но уже в первые дни пути команда «Волка» поняла, что Асгрим и вправду умеет плести языком золотые сети; только за одно это его стоило бы взять в поход. А потом Харальд убедился, что старший сын его побратима — истинный человек *О* дина, любящий не только мед поэзии, но и крепкий хмель войны.

«Рычащий волк» присоединился к флоту конунга Гундерета у берегов Галисии, и викингам везло в этом походе так, как не везло даже Бьорну Железнобокому, разграбившему Испанию сто лет назад. Ирия пала, войско галисийцев под предводительством епископа Сисенанды было разбито у городка Форнелос, сам епископ погиб в бою. В той битве Харальд и назвал впервые сына побратима Асгримом Неистовым: для мальчишки, сражавшегося в первой большой битве, Асгрим оказался на удивление ловок и со скрамасаксом,

¹ Эйнхериями в скандинавской религии называли винов, погибших в битве — в награду за храбрость они пировали и сражались ради потехи во дворце верховного бога Одина, в Вальгалле.

которым наносят удар из-под щита в страшной давящей рубке двух столкнувшихся клинов, и с длинным мечом, который пускают в ход после того, как удастся сломать чужой строй. А еще сын Рагнара был невероятно быстр, дерзок, упрям и уверен в своей неуязвимости — а ведь такая уверенность обычно дается воинам, имеющим за спиной уже немало сражений.

Харальд никогда не забудет, как Асгрим, перепачканный кровью, стекающей с меча на руку и на плечо, выкрикивал в небо, с которого спускались первые вороны:

— Серп жатвы сеч
Сек вежи с плеч,
А ран рогач
Лил красный плач,
И стали рдяны
От стали льдяной
Доспехи в пьяной
Потехе бранной!²

Эту вису услышал конунг Гундеред, ехавший верхом по заваленному трупами полю, и повернул к

² Стихи принадлежат скальду Эгилу Скаллаgrimсону (перевод С.В. Петрова).

скальду.

— Как тебя зовут? — спросил он. — Откуда ты родом и кому служишь?

Сын Рагнара отбросил с глаз слипшиеся красные пряди и посмотрел на конунга и его людей — все они были так же забрызганы кровью, как и сам Асгрим, в их глазах полыхал такой же пьяный жар недавней резни. Гундеред остановил коня, осторожно ступавшего между мертвыми и умирающими, и терпеливо ждал ответа. Мед поэзии — дар богов, а к хорошему скальду боги особенно благосклонны, такой скальд может принести конунгу большую удачу. А много ли найдется скальдов, способных сочинить вису прямо на поле битвы?

— Меня называют Асгримом, — ответил наконец скальд. — Отца моего звали Рагнаром из Хосебю. Я пришел на «Рычащем волке» с ярлом Харальдом Одиноким.

Гундеред кивнул и спрыгнул с коня на спину раненому галисийцу.

— Я хотел бы, чтобы ты служил мне, Асгрим Рагнарсон, — сказал конунг сквозь хрипы умирающего человека.

Асгрим одним ударом добил раненого и вложил меч в ножны.

— Я служу ярлу Харальду, — ответил он.

Это был отказ. Не слишком вежливый и

слишком категоричный, но что взять с самоуверенного юнца? Харальд и его воины ждали, что конунг снова сядет в седло, но тот медлил. Гундеред привык получать то, что хочет, это знали все, поэтому продолжал:

— Я буду хорошо платить тебе, Асgrim Рагнарсон. Спроси моих скальдов — все они скажут, что за золото слов я всегда щедро плачу серебром. Твои враги станут моими врагами. Твои друзья — моими друзьями. Что скажешь?

Асgrim встряхнулся; красные отблески боевого безумия медленно гасли в его глазах. Наверное, он ответил бы так, как и надлежит отвечать в таких случаях конунгу — но один из окружавших Гундерета воинов, седой, с обезображенным шрамами лицом, с ухмылкой крикнул:

— А я согласен даже взять в жены твою сестру, скальд, если она у тебя есть! Я как раз похоронил свою шестую супругу, и больше некому стричь ногти мне на ногах.

Асgrim не убил наглеца на месте только потому, что вмешались люди Гундерета и люди Харальда, но вороны разлетались прочь от яростных слов, брошенных друг другу Асgrimом из Хосебю и ярлом Лейвом Безносым.

Харальд ни разу не встречал Лейва в своих прежних походах, но много слышал о нем и считал

его помесью ядовитой змеи и дикого кабана. Тем же вечером, пируя в одной из таверн разграбленного Фарнелоса, он сказал Асгриму:

— На твоём месте я бы прикончил Лейва — прямо здесь и побыстрее. Иначе этот змей однажды ужалит исподтишка.

Но Асgrim был слишком беспечен, чтобы прислушаться к совету, и слишком остёр на язык, чтобы промолчать: размахивая кружкой со сладким южным вином, он начал декламировать язвительные стихи о том, как шестеро жен Лейва одна за другой сбежали от безносого ярла в Хельхейм,³ потому что даже в царстве мертвых веселей, чем рядом с таким мужем... Все в таверне покатывались со смеху, а на следующий день многие викинги пересказывали друг другу эти стихи, потому что никто не любил Лейва Безносого.

Спустя три дня веселье и грабежи в Фалерносе утихли, а еще через день Асgrim, совладав с похмельем, отправился на поиски безносого ярла. Но Лейв исчез вместе со своими людьми, и никто не мог толком сказать, куда они подевались. Скорее всего, три драккара Лейва отправились в набег вдоль побережья, надеясь

³ Хельхейм (или Хель) — царство мертвых в скандинавской мифологии.

поживиться в отдаленных селениях и монастырях, вместо того, чтобы вместе с основной частью войска двинуться на Сантьяго-де-Кампостела. Хоть Лейв Безносый и считался человеком конунга, он, как и многие другие ярлы, прежде всего думал о собственной поживе и предпочитал при каждом удобном случае действовать на свой страх и риск.

В то лето поживы в Галисии было так много, а крупных стычек так мало, что многие викинги зажирели и обленились, словно вороны после большой битвы, когда кругом слишком много еды. Почти все решили зазимовать в Испании, кое-кто поговаривал даже о том, чтобы навсегда поселиться здесь, под жарким южным небом, на плодородной земле, где так хорошо растет виноград.

Но несколько драккаров, в том числе «Рычащий волк», в конце лета отправились в обратный путь. Харальд хотел следующей весной двинуться в Миклагард⁴ и всю дорогу до Хосебю уговаривал Асгрима плыть в Византию вместе с ним:

— Конунг Миклагарда хорошо платит воинам, на его службе можно разбогатеть даже больше, чем потроша мошну галисейских монахов.

⁴ Миклагард — скандинавское название Константинополя. Славянское — Царьград.

А какие в Великом Городе базары, Асгрим, не обойдешь и за целый день! Какие там женщины — пышные, жаркоглазые, белолицые! Какая гавань! Я слышал, в ней могут разом бросить якорь триста кораблей...

— Я хочу увидеть Миклагард, Харальд, — согласился Асгрим. — А потом хочу отправиться еще дальше, может быть, дойти до самого Сёркланда! Но я смогу отправиться с тобой на «Рычащем волке», только если Вагни согласится и следующее лето провести в Хосебю.

Вагни, лучший друг Асгрима, чьи земли лежали по соседству с Хосебю, был полной противоположностью старшему сыну Рагнара — спокойный, рассудительный, домовитый. Они с Асгримом вместе росли, вместе ходили на охоту и на морской промысел, но Вагни никогда не мечтал поймать в сети морского змея или увидеть земли, лежащие за горизонтом. Вместо этого он женился на сестре Асгрима, Трюд, и после свадебных торжеств остался жить в доме друга, когда тот отправился в набег на «Рычащем волке». Мать Асгрима до сих пор могла оглушить дубиной тюленя и унести его на плечах, но все-таки лучше, когда в доме есть взрослый мужчина — а младшему сыну Рагнара едва исполнилось десять.

— Вагни согласится, — уверенно ответил Харальд. — А если твоя сага о битве при Фалерносе

доберется до Миклагарда раньше нас, мы прославимся в тех краях, и тогда тамошний конунг заплатит нам за службу столько, что твои сестры станут самыми богатыми невестами во всей округе!

Асгрим засмеялся, подкинув в руке золотой браслет, который собирался подарить младшей сестре, своей любимице Хильде.

— Нет, ты можешь себе представить Хильду женой Безносого Лейва? — хохотнул он. — Лейву стоило бы жениться на Хель,⁵ из них бы вышла отличная парочка! И знаешь, я думаю, кончик носа он потерял не в сражении, что бы там ни говорили. Держу пари, нос ему откусила нос какая-нибудь женщина, когда ярл попытался затащить ее в постель!

Викинги захохотали, а Харальд, хмыкнув, велел Асгриму сменить его у рулевого весла. Асгрим надел браслет на руку и взялся за рукоять весла, пока Харальд отошел, чтобы помочиться за борт.

Ветер был попутным, викинги бездельничали, отдыхая от гре бли, пока большой квадратный парус влек «Рычащего волка» по серому морю, по

⁵ Хель — дочь Локи, хозяйка преисподней в скандинавской мифологии. Считалась очень уродливой: одна половина лица у нее была синей, а другая — цвета сырого мяса.

легким волнам, над которыми кричали чайки. Асгрим навалился на рулевое весло, направляя драккар вокруг Тюленьего Мыса, и прокричал:

— Бедняга Вагни! Как можно променять такую жизнь на жизнь под крышей! Если бы он только знал...

«Рычащий волк» вдруг задрожал, словно перепуганный зверь, парус громко захлопал. Харальд, шагавший обратно на корму, чуть не налетел на бочонок с пивом и хотел выругать рулевого, упустившего ветер, но взглянул на Асгрима — и резко обернулся, чтобы посмотреть, что за морское чудище его напугало.

Тюлений Мыс уходил влево, впереди показался обрывистый берег Хосебю. Крошечная пристань под обрывом; над пристанью — высокий утес, на котором стоял дом Асгрима, построенный еще его прадедом... Харальд моргнул, на миг ему показалось, что его морочат злые духи. Длинного дома на утесе больше не было.

— Асгрим! — окликнул Харальд. — Смени меня!

Асгрим поднял глаза, убрал точильный камень под скамью ближайшего гребца, встал, вложил меч в ножны, отправил его вслед за точилом и пошел на корму.

Он принял у ярла рукоять рулевого весла, но

Харальд не ушел, а продолжал стоять рядом, глядя на плоский берег, заросший осокой и рогозом, на темную полосу бора, то приближающегося к воде, то отступающего от нее. Земля Гардарики дышала зеленым летним покоем, белые облака отражались в ровной воде реки, по отражениям облаков скользили такие же белые лебеди. Время от времени «Рычащий волк» проходил между поросшими лесом островками, под низко нависшими над водой ветвями деревьев; из-за них мачту давно сняли, уложив на подпорки вдоль днища, и драккар от самого Хольмгарда шел на веслах.

Косматые быки-зумпры уже скрылись из виду, но Бруни все никак не мог про них забыть и громко жалел, что «Волк» не остановился для охоты. Наконец Харальд велел ему сменить на весле Ингиреда: пусть займет руки чем-нибудь, авось, перестанет хвататься за охотничье копьё. Берега реки были тут слишком топкими, чтобы причаливать в угоду охотничьей удали Бруни.

Харальд покосился на Асгрима: тот держал рукоять рулевого весла так, как мог бы держать рукоять рабочего молота или киянку, и равнодушно глядел на проплывающую мимо чужую щедрую землю. Раньше Асгрим сочинял стихи о веселье викинга, правящего судном, сравнивая это веселье с наслаждением обладания женщиной — но это было

раньше. Теперь это веселье покинуло его... Вместе со стихами. Драккары больше не были для него «жеребцами волн» или «соколами прибрежий», а были просто судами, небо больше не было для него «бременем карликов» или «дорогой луны», а было просто небом, ветер больше не был для него «братом огня», а был просто ветром. Мед поэзии истек из Асгрима в тот день, когда он увидел на месте родного дома остывшие черные головешки.

Харальд невольно замотал головой, вспоминая, как Асgrim метался вокруг пепелища, то выкрикивая имена матери, брата и сестер, то сыпля бешеными проклятиями. Викинги с «Рычащего волка» молча стояли внутри полусгоревшей ограды, глядя на черные обуглившиеся камни — все, что осталось от фундамента дома. Сгорели и постройки, окружавшие дом; судя по всему, никто не тушил пожар, значит, огонь, бушевавший здесь, был зажжен человеком.

Сожжение. Такое случалось во время кровной вражды, когда род поднимался на род, семья — на семью. Сожжение. Напасть внезапно и спалить в доме всех, от грудных младенцев до стариков, чтобы некому было мстить. Чтобы только чайки могли рассказать о погибших в пламени дома и убитых на горящем пороге. Но род Асгрима ни с кем не враждовал, да и зачем нападать, когда в доме

нет главы семьи?

— Вагни!.. Гринольв!.. Хильда!.. — звал Асгрим.

Он знал, что ему никто не ответит, но все равно кричал — а потом побрел по рассыпающимся под ногами головешкам, глядя под ноги так, будто искал ответа в спекшейся золе.

Кто?

Пепелище молчало.

Было ли кому похоронить погибших? Или то, что осталось от семьи Асгрима, все еще лежало под грудями обуглившихся обломков?

Харальд резко выдохнул, разжал пальцы, мертвой хваткой стиснувшие рукоять секиры, и хотел вслед за Асгримом шагнуть в круг черных камней — как вдруг один из викингов метнулся в сторону и выдернул из-за большого валуна грязного мальчишку лет десяти в расплзающейся по швам кожаной рубахе.

При виде него Асгрим ринулся обратно, вырвал мальчишку из рук викинга и, вздернув высоко в воздух, взревел:

— Говори!

— Господин... — пискнул мальчишка, вцепившись исцарапанными грязными руками в кольчужные рукава Асгрима.

— Что здесь случилось?! Говори!!!

Асгрим потрянул мальчугана так, что у того

застучали зубы и глаза полезли на лоб.

И тут Харальд узнал мальчика — это был Мари, сын здешнего плотника. Его имя запомнилось Харальду потому, что Рагнар не раз грозился прикончить шумное маленькое отродье и его брата Берси, самых отчаянных сорванцов в Хосебю. Грозиться грозился, но из каждого похода привозил братьям подарки, потому что любил бесшабашных и драчливых мальчишек больше, чем послушных тихонь.

— Господин...

Из-за другого камня появился Берси, держа в обеих руках длинный меч.

Асгрим выпустил Мари, викинги расступились, давая Берси пройти. С трудом удерживая меч на весу, мальчишка приблизился к Асгриму, положил оружие на черную землю и опустился на колени перед господином. Мари вытер нос грязным рукавом и тоже встал на колени рядом с братом.

— Рассказывайте! — прохрипел Асгрим.

И братья начали сбивчиво рассказывать, что случилось здесь четыре дня тому назад.

Они удрали из дому перед рассветом, чтобы набрать яиц буревестников и вернуться, пока в доме никто не хватился. С вон той скалы они увидели, что в гавань входят три драккара, и сперва подумали, что это возвращается господин Асгрим.

На носах драккаров не было голов чудовищ, а раз головы были сняты, значит, люди на судах не хотели распугать добрых духов этой земли и пришли с миром, верно? Мари и Берси стали слезать со скалы, чтобы побежать в дом и рассказать о возвращении господина, но сошедшие с драккаров люди начали зажигать факелы.

— Они окружили дом и стали кидать горящие факелы на крышу, — монотонно рассказывал Мерси, глядя в серое небо, мимо плеча Асгрима. — Подожгли дом, подожгли все сараи и конюшню. Мы с Берси испугались и затаились за камнями там, наверху.

— Мы видели, как убивали копьями тех, кто пытался выбежать из дома, — шмыгнув носом, проговорил Берси. — Нашего отца убили у порога, и Асбьёрна, и Колченогого...

— Кто. Был. Главарем тех людей?! — прорычал Асгрим. — Вы его видели?!

— Мы видели, господин, — кивнул Мари. — Он был высокий, выше тебя, очень большой, со страшным лицом.

Сын кузнеца посмотрел на Асгрима и быстро опустил голову — лицо молодого господина было сейчас страшней лица того чужого ярла.

— Лицо у него было все в шрамах, господин... Шрам через щеку, шрам через губы. И у него не хватало половины носа.

Асгрим со стоном отвернулся от мальчишек и обхватил голову руками.

Мари переглянулся с братом, помедлил — и стал рассказывать, как из горящего дома выбежал младший брат Асгрима, Гринольв. У Гринольва был меч, и он бросился на безногого, держа меч обеими руками — вот так. Но один из воинов метнул дрот ему в спину, а безносый насадил его на копье и швырнул в дверь, в огонь. В доме все кричали, и животные, и люди. Из конюшни вырвался большой гнедой, несколько викингов поймали его и увели вниз, на один из кораблей. Еще двое людей выбежали из дома, на них горела одежда, их убили. А потом рухнула крыша, и внутри все стихло.

Чужаки оставались тут до утра, жарили рыбу на огне, пили эль, веселились. Утром долго копались на пепелище, ища, что можно забрать, и даже что-то нашли. Один из них подобрал меч Гринольва, но повертел и выбросил. Наверное, меч ему не понравился, он был старый и ржавый. Наконец все викинги спустились на суда, и драккары ушли. А когда они скрылись, братья побежали искать господина Вагни.

Асгрим, протянувший было руку к мечу, замер, уставившись на мальчишек:

— Вагни жив?! Его не было в доме?!

— Жив, господин, — подтвердил Мари. — Он

уехал накануне в Сокланд и вот-вот должен был вернуться...

— Так где же он?

Мальчишки переглянулись, и Харальд почувал новую беду. Хотя, казалось бы, какую еще поживу беда могла найти на обугленных руинах?

— Господин Вагни вернулся... — запинаясь, проговорил Берси.

— И похоронил мертвых, — глядя в сторону, добавил Мари.

— А потом уехал к себе, в Сокланд, — пробормотал Берси.

Посмотрел на Асгрима, набрал воздуха в грудь и выпалил единым духом:

— Он сказал, что безносый ярл — человек конунга Гундерета и раз безносый сжег наш дом, значит, между ним и тобой была большая вражда. Он сказал, что ты наверняка мертв, господин Асgrim, иначе безносый не пришел бы, чтобы расправиться с твоей семьей. Господин Вагни сказал, что теперь мы принадлежим ему и что он продаст нас на рынке в Хетеби. Он хотел побыстрее распродать все, что у него было, и уехать, пока безносый не убил и его тоже, как твоего родственника...

— Ты лжешь! — бешено перебил Асgrim.

Берси, не вставая с колен, стал быстро отползать назад. В руке у Асгрима был меч, и

Харальду показалось, что сейчас он зарубит мальчишку, но тут за брата вступился Мари.

— Берси говорит правду, господин! — вскинув голову, звонко заявил он. — Мы думали, господин Вагни соберет людей и отправится в Гардарику, чтобы отомстить безносому, но господин Вагни сказал — только такие сумасшедшие, как ты, могут заступать дорогу могущественному ярлу, человеку Гундерета. Он сказал — Трюд все равно не вернешь. Он сказал, что сможет найти себе другую жену, но жизнь у него одна.

Многие викинги презрительно забормотали, а некоторые сложили пальцы в знаке, отвращающем беду. Когда боги лишают кого-то удачи, они не шутят. Потерять всю семью и узнать, что твой лучший друг — трус — не слишком ли это много для одного человека? Вдруг невезение Асгрима перекинется на других?

— По дороге в Сокланд мы убежали от господина Вагни, — снова понурился и ссутулившись, сипло проговорил Мари. — Вернулись сюда, на берег. Подобрали меч. У причала нашли старые рыболовные крючки, ловили рыбу, ели птичьи яйца. Мы знали, что ты вернешься, господин. Ты поплывешь в Гардарику? Найдешь безносого? Отомстишь за нашего отца и за остальных?

Асгрим молча глядел на меч своего младшего брата. Слезы текли по его лицу, он резко провел по глазам кулаком. Потом запрокинул голову и посмотрел в небо над заливом Хосебю — серое, цвета пепла.

— Значит, Лейв отправился в Гардарику? — тихо спросил он.

— Если Лейва нет в Кенугарде, отправишься со мной дальше, в Миклагард? — спросил Харальд.

Асгрим долго молчал, глядя на прибрежные заросли, в которых возились и щебетали птицы.

— Я отправлюсь на поиски Лейва, — наконец ответил он. — Я его найду.

— Но ты не знаешь, где искать. Мальчишки могли и ошибиться. Мало ли, почему те скоты кричали про Гардарику? А купцы в Хетеби, которым ты отвалил столько серебра за пару-другую фраз, знали только, что Лейв отправился куда-то на восток. Безносый может быть где угодно, хоть в том же Миклагарде. А искать кого-то в здешней стране...

Но Харальд не стал в очередной раз рассказывать сыну Рагнара, как велика Гардарики — страна городов, страна бескрайних лесов, граничащих с дикими степями, страна огромных зумпров, бешеных могучих туров и таких же могучих людей. Это в Данмарке можно за

год-другой отыскать человека, тем более если тот владеет тремя кораблями, а в Гардарике на такие поиски может уйти пол-жизни. Харальд уже много раз заводил подобные разговоры, и от них всякий раз не было толку. Поэтому теперь ярл буркнул совсем другое:

— В том, что случилось, нет твоей вины, Асгрим.

Асгрим снова долго молчал, только пальцы его рук, стискивающих рулевое весло, побелели, как старая кость.

— Я был старшим, — не глядя на Харальда, в конце концов бросил он.

На это Харальд ничего не ответил. Отвечать тут было нечего. Старший мужчина в доме должен беречь и защищать свою семью, даже если родился с беспокойной кровью, которая бросает людей в битвы и уводит в дальние края. Неважно, что мужчине этому всего двадцать лет и ему хочется обогнать летящие в небе облака и превзойти в геройстве всех когда-либо живших на земле храбрецов. Он — старший.

— Я сам хотел бы вырвать Безносому печень, вспороть его жирное брюхо, услышать, как он визжит и молит побыстрее его прикончить, — проворчал Харальд, отбирая у Асгрима рукоять рулевого весла. — Я хотел бы отправить его черную душу в Хельхейм, чтобы он никогда не сел

за пиршественный стол в Вальгалле с твоим отцом и с другими храбрецами. Но судьбу не взнуздаешь и не загонишь. Однажды норны сведут твою дорогу с дорогой Лейва Безносого, а пока...

— Судно! — крикнул Ингиред с носа «Рычащего волка».

Из-за поворота реки показался драккар. Длинные весла вреза лись в гладь голубой широкой реки, поднимались, опускались и вновь поднимались в размеренном неторопливом ритме. Деревянная голова змея смотрела с высокого ахтерштевня на след, разбегающийся по воде за кормой. А на таком же высоком форштевне...

— Один и Тор! — пробормотал Харальд.

Асgrim рядом с ним сдавленно зарычал. Ярл тоже увидел рогатого дракона, скалящегося с круто изогнутого носа судна, разглядел даже, что язык дракона выкрашен в ярко-красный цвет, а выпученные глаза и рога ярко вызолочены.

Норны оказались расторопнее, чем ожидал Харальд. Навстречу «Рычащему Волку» шел «Кровавый», главный драккар Лейва Безносого.

Глава вторая. Битва драккаров

Асgrim рванулся вперед, к третьей скамье по правому борту, под которой оставил свое оружие.

Гребцы «Рычащего волка», лениво

тревожившие веслами отражения белых облаков в голубой воде, стали оглядываться, не сбивая ритма, свободные от гребли викинги вспрыгивали на скамьи и вытягивали шеи, чтобы лучше рассмотреть чужое судно. Один за другим люди узнавали драккар — и многие тут же тянулись за оружием, не ожидая приказа ярла, а кое-кто начал снимать развешанные по бортам щиты.

Всем было ясно, что битвы не избежать. Ее было бы не избежать, даже если бы дракон, скалящийся с форштевня «Кровавого», не возвещал о том, что Лейв Безносый отправляется в военный набег. Будь «Кровавый» в знак мира увешан зелеными ветвями от носа до кормы — разве ярл Харальд смог бы мирно разойтись с убийцей семьи своего побратима? Разве Асgrim Рагнарсон не поклялся во всеуслышанье, что найдет Лейва где угодно, хоть в Серкланде, и прикончит его мечом своего убитого брата?

Асgrim уже затягивал перевязь, на которой висели ножны с этим мечом, не спуская глаз с приближающегося драккара и глухо рыча.

Люди на «Волке» вооружались, а их ярл пристально всматривался в окаймленный деревьями изгиб реки. Харальд ожидал, что из-за деревьев вот-вот появятся остальные два драккара Лейва — и тогда... Что ж, тогда Харальд свидится с Рагнаром в пиршественных покоях Одина быстрее,

чем думал.

Но «Кровавый» отошел от поворота уже на полет стрелы... на два полета стрелы... на три... А другие суда Лейва так и не показались.

— Тор! — со свирепой благодарностью крикнул Харальд.

И на «Рычащем волке», и на «Кровавом» этот рявк восприняли, как боевой клич. Викинги Харальда заорали и оглушительно застучали мечами и топорами по щитам, с «Кровавого» донеслись ответные вызывающие крики.

Теперь Харальд разглядел Лейва: тот стоял на носу, торопливо натягивая кольчугу. Скоро драккары должны были сблизиться на расстояние выстрела, и Харальд рявкнул, перекрывая шум:

— Берни! Ты хотел поохотиться? А ну, подстрели-ка мне ту жирную безносую свинью!

Берни Охотник схватил лук и колчан и вспрыгнул на носовую площадку.

Харальд быстро окинул взглядом реку и берега. «Кровавый» был длиннее «Волка», у Лейва было больше людей, но все-таки Харальд предпочел бы сразиться с врагами на берегу, а не на незнакомой реке, славившейся коварными топляками и капризными течениями. Но про бой на берегу придется забыть: топкая, поросшая камышом суша могла оказаться еще более предательской, чем вода.

Стрела ударила в кормовую площадку рядом с ногой Харальда. Он не услышал стука за лязгом оружия о щиты и за ругательствами, которыми осыпали друг друга команды обоих драккаров.

Берни тоже выстрелил и тоже промахнулся, судя по тому, что никто на «Кровавом» не упал. Но это было не так уж важно: битвы часто начинались стрельбой из лука и метанием копий, но ни копья, ни стрелы не выигрывали битв. Все решится, когда враги сойдутся лицом к лицу, меч на меч, топор на топор. «Прибой блеска лезвий», как сказал бы раньше Асgrim; еще одно веселье викинга.

Харальд крикнул, чтобы приготовили abordажные крюки, и потянул за рукоять рулевого весла, направляя «Рычащего волка» к середине реки, а потом пошел прямо на драккар Лейва.

— Убей! Убей! Убей! — заорали гребцы Харальда, в такт крикам все сильнее налегая на весла.

Расстояние между «Рычащим волком» и «Кровавым» быстро уменьшалось, ярость и жажда убийства стремительно сгущались над гладкой водой, и лебеди, поднявшись на крыло, летели прочь над метелками камышей.

— Убей! Убей! Убей!

Харальд уже видел уродливое лицо Лейва под козырьком круглого шлема. Лучник на кормовой площадке «Кровавого» отбросил лук и схватился за

меч, на обоих драккарах держали наготове абордажные крюки. Харальд увидел, что Асgrim, пригнувшись, стоит на носу «Рычащего волка» с мечом и щитом в руках — и понадеялся, что тот не попытается перемахнуть на судно Лейва раньше, чем драккары сблизятся на расстояние прыжка.

— Убей!..

Весла «Рычащего волка» и весла «Кровавого» опустились одновременно, будто крылья одной и той же птицы.

— У-у-убей!..

Весла разом поднялись, рулевой «Кровавого» отчаянно навалился на рукоять рулевого весла, чтобы избежать лобового столкновения с «Волком».

— Убей!!!

Будь на носу драккара Харальда укреплена волчья голова, лежащая сейчас на дне судна, разинувший пасть деревянный волк и скалящийся дракон поцеловались бы друг с другом. Кое-кто из стоявших впереди невольно вжал голову в плечи в ожидании столкновения, но Харальд потянул за рукоять рулевого весла, и голова рогатого дракона проплыла мимо носа «Волка».

— Весла левого борта — убрать! — проревел Харальд.

Гребцы левого борта «Рычащего волка» быстро втянули весла.

Гребцы правого борта «Кровавого» оказались менее расторопны. Раздался оглушительный треск, словно десятки воинов ударили в щиты древками копий: борт «Волка» прошел почти впритирку рядом с бортом «Кровавого», ломая весла гребцов Лейва, выворачивая людям плечи из суставов, ломая им руки и круша ребра.

Теперь с драккара безносого неслись не только проклятия, но и стоны.

— Крюки! — проорал Харальд.

Его голос слился с голосом Лейва, выкрикнувшего ту же команду.

На борт «Кровавого» и на борт «Волка» полетели абордажные крюки, и скоро два драккара оказались прочно сцеплены друг с другом. Двадцать пар рук с двух сторон принялись тянуть за канаты, но не успели борта драккаров сблизиться и на пять шагов, как Асгрим перепрыгнул с «Рычащего волка» на судно безносого ярла.

Асгрим упал на полусогнутые на качнувшееся днище — и тут же принял на щит удар дюжего длиннобородого викинга, замахнувшегося на него топором. Удар был таким мощным, что лезвие топора, скользя по умбону, глубоко засело в ясеневом дереве. Асгрим устоял на ногах, резко толкнув щит от себя и заставив викинга Лейва откинуться назад. Богатырь изо всех сил рванул

топор, но не успел его высвободить, как получил мечом в шею.

Брызнувшая во все стороны кровь окатила лицо и грудь Асгрима, он нетерпеливым движением головы отбросил с глаз липкие красные пряди и пихнул ногой зарубленного человека. Бородач рухнул на спину, схватившись за горло, из которого алыми толчками выплескивалась кровь, но Асgrim уже не смотрел на него: он нашел глазами безносого ярла.

— Лейв!!!

Лейв Безносый стоял на маленькой носовой площадке с щитом и копьем в руках. Услышав вопль Асгрима, ярл посмотрел на него поверх голов своих людей и ухмыльнулся. Отвратительная улыбка перекосила все шрамы на лице Лейва, сделав его еще уродливее.

— Соскучился по своей семье, скальд из Хосебю?

Асgrim с бешеным ревом ринулся вперед, рубя, тыча, толкая, топча, пробивая себе путь мечом и щитом. Ярость окатывала его горячими волнами, красной пеленой застилала глаза. От залитого кровью светловолосого берсерка начали пятиться, насколько позволяла теснота, и вскоре только десяток шагов отделял Асгрима от безносого... Но это расстояние оказалось бесконечным, как сам Океан.

Викинги Харальда один за другим прыгали на драккар, и в пространстве между скамьями гребцов, бочками и лежащей на подпорках мачтой становилось все тесней. Люди топтались в этой тесноте, тыча друг в друга скрамасаксами, кинжалами, нанося удары топорами и умбонами щитов; раненые с воем полосовали ножами ноги дерущихся или старались отползти в сторону. Отползать было некуда.

— Убей!.. Убей!.. Убей!..

— Ле-ейв!!!

Асgrim едва узнал собственный голос в протяжном реве, прозвучавшем над лязгом металла о металл, над стонами, криками и топотом ног. Лейв на крошечной носовой площадке размахивал мечом и что-то кричал своим воинам, но не делал ни шагу навстречу сыну Рагнара.

Трус!

С треснувшим щитом в руках Асgrim пробивался к носу драккара, боясь лишь одного: как бы не подвел меч. Этот старый меч принадлежал еще его деду, на клинке было много вмятин и щербин, одна, самая скверная — в нескольких пядях от эфеса. Великолепный новый меч, привезенный Асgrimом из Галисии, был положен в могилу Гринольва. Младшему сыну Рагнара не придется стыдиться своего оружия в бранных потехах, которыми развлекаются

погибшие храбрецы в Вальгалле.

— Умри!..

Дорогу Асгриму заступил воин в кольчуге и попытался нанести коварный быстрый удар из-под щита в живот. Окованный железом нижний край щита Асгрима сломал воину руку, а меч Гринольва врезался между шеей и ключицей врага над кольчужным воротником. Викинг с воем налетел спиной на борт, перевалился через него и с шумом плюхнулся в воду между «Кровавым» и «Рычащим волком».

Мельком глянув в сторону «Волка», Асgrim увидел, что на нем тоже топчутся, колят, бьют и полосуют. Харальд рубился на кормовой площадке сразу с двумя викингами, молотя по их щитам своей знаменитой секирой — Сокрушителем Черепов. От щитов летели белые щепки, а когда секира попадала по металлическим умбонам и окованным краям — искры.

— Тор! — орал Харальд, словно лесоруб, подбадривающий себя криками во время работы. — Тор! То...

Мелькнувшее невзгодное копье ударило ярла в плечо. крик его прервался, Харальд качнулся, выронил секиру и рухнул навзничь.

— Хара-альд!..

Услышав дикий вопль Асгрима, один из воинов, только что сражавшихся с Харальдом,

глянул в сторону сына Рагнара, вырвал копьё из плеча ярла и метнул его через разделявшую два драккара полосу воды, но поскользнулся, и копьё, не долетев до борта «Кровавого», шлепнулось в воду.

Асgrim отвернулся и с хриплым неистовым криком снова кинулся в битву.

— Убей!!!

«Кровавый» и впрямь стал кровавым — Асgrim ступал по чему-то скользкому, мокрому, дергающемуся, стонущему. Резкий железистый запах крови бил по ноздрям, дурманил голову, в ушах звенело от воплей, лязга и стука оружия по щитам.

— Убей! Убей! Убей!

Асgrim ударил эфесом в висок низкорослого широкоплечего викинга, отшвырнув его в сторону, — и наконец-то очутился лицом к лицу с Лейвом Безносым.

И остановился.

Почти год Асgrim мечтал об этом. Невыносимо длинный год, горький и серый, как пепел сгоревшего дома в Хосебю. Бесконечно долго он ждал этого мгновения, а теперь оно обрушилось на него, как огромная морская волна, заглушив звуки боя на «Кровавом» и разъяренные вопли викингов «Волка», рвущихся отомстить за своего ярла.

Тяжело дыша, Асгрим посмотрел в глаза безносого ярла — бледно-серые, как грязный лед — и увидел в этих льдистых глазах то, о чем так долго и исступленно мечтал. Сомнение. Неуверенность. А потом — зарождающийся страх.

Лейв, ощерив зубы, сделал шаг назад, уткнулся спиной в форштевень, попытался нанести быстрый рубящий удар. Асгрим сбил удар щитом, дав клинку скользнуть по железному остроконечному умбону, и тут же рубанул сам, целясь в правую руку Безносого. Он не собирался убивать с первого удара. Лейв не умрет, как храбрец, с мечом в руке, не отправится в Вальгаллу к лихой дружине Одина. Он умрет, как трус, захлебнувшись своей кровью и мольбами о пощаде. Он...

Меч Асгрима сломался. Только что выдержавший бурю ударов, старый клинок сломался, ударившись о серебряный браслет Лейва, и в руке сына Рагнара остался обломок длиной в предплечье взрослого человека.

Лейв и Асгрим уставились на этот обломок.

Одно биение сердца оба ошарашенно молчали, а потом безносый ярл разразился оглушительным хохотом. Ревя от смеха, Лейв принялся теснить противника к борту.

— Ты хотел... поцарапать меня... этой штукой, скальд? — выдыхал он между ударами,

которые Асгрим едва успевал отражать щитом. — Такая игрушечка... впору твоему... младшему братцу!.. Тому визгливому поросенку, который...

Асгрим швырнул в Лейва обломок меча и прыгнул назад, надеясь оказаться вне пределов досягаемости длинного клинка и успеть выхватить скрамасакс. Он ударился задом о фальшборт, его пальцы уже нащупали рукоять, когда «Кровавый» вдруг дернулся так, словно его саданул хвостом раненый кит.

Асгрим почувствовал, что драккар стряхивает его с себя, как конь — неумелого седока. Выпустив щит, он отчаянно попытался за что-нибудь ухватиться, нагнуться вперед, удержать равновесие... Но хвататься было не за что, за ним была лишь пустота — и он с воплем полетел в реку спиной вперед.

Холодная вода ударила его, как окованный железом щит, сразу прервала крик.

На несколько биений сердца мир стал немым, потом Асгрим всплыл, жадно глотнул воздуха — и снова погрузился с головой. Он бился, изо всех сил молотил руками и ногами, но чужая река не отпускала его, тащила вниз, крутила, как ребенок крутит надоевшую игрушку. На несколько мгновений Асгриму все-таки удалось вырваться на поверхность; кашляя и отплевываясь, он стал

искать глазами весло, за которое можно было бы ухватиться, но хвататься было не за что: его уже отнесло от «Рычащего волка» и «Кровавого».

Сцепленные суда попали в стремнину и теперь раскачивались и вращались, как детские лодочки из коры на весеннем ручье. Асгрим не видел, идет ли сейчас на драккарах бой, и не слишком заботился об этом. Он вел собственную яростную битву — с рекой, и еще никогда в жизни ему не попадалось такого могучего и безжалостного противника.

Дергаясь и крутясь в серой холодной толще, Асгрим с огромным трудом избавился от перевязей с ножнами, сапог и пары серебряных браслетов. Будь на нем кольчуга, он бы сразу пошел ко дну, но и так ему приходилось напрягать все силы, чтобы бороться с течением, которое тащило его невесть куда.

В детстве Асгрим любил сказку о рыбаке, оседлавшем морского змея. Выходя с отцом на морской промысел, он всегда втайне мечтал сделать то, что сделал рыбак из сказки: прокатиться на чешуйчатой спине к океанскому дну и вернуться обратно на покорном укрощенном чудовище. Теперь он знал, как себя чувствовал тот лихой рыбак.

Но речную стремнину никому еще не удавалось укротить, поэтому скоро Асгрим

перестал попусту тратить силы и просто ждал, когда его в очередной раз вытолкнет на поверхность, чтобы начать плыть. Он успевал сделать несколько гребков, судорожно хватая ртом воздух пополам с водой, — а потом его снова утаскивало вниз, в немую жадную глубину, прочь от солнечного света, воздуха и птичьих криков. Иногда, всплывая, он успевал увидеть вдалеке берег, такой зеленый и мирный, что это походило на обрывок сна.

Асгрим не знал, сколько времени бился в холодных кольцах змея, как вдруг кольца эти разжались, и вода стала тихой, медленной и спокойной.

Он вырвался из стремнины.

Кашляя, задыхаясь, Асгрим поплыл к берегу. Попытался плыть — но усталость сжимала его сильнее колец змея, руки и ноги едва слушались, в груди жгло, как огнем. И все-таки он продолжал сражаться — теперь с собственным бунтующим телом.

Он не погибнет в чужой коварной реке. Он должен выжить, потому что Лейв все еще жив.

«Плыви! — приказал он себе. — Плыви!»

Он снова погрузился с головой, забарахтался, всплыл, хлебнул воздуху, закашлялся, опять ушел под воду. Чувствуя, что уже не хватает сил вырваться на поверхность, упрямо, наугад, поплыл

под водой туда, где мог находиться берег.

Плыви!

Перед закрытыми глазами мелькали красные пятна, сквозь звон в ушах слышались далекие знакомые голоса.

Плыви!

— Асгрим, я тоже хочу поплыть с тобой! Возьми меня, я буду хорошо сражаться!

— Лет через пять, Гринольв. Вот подрастешь — тогда отправимся вместе в поход. Например, в Йорвик. Или в Миклагард, о котором столько твердит Харальд. Если раньше ты не женишься, не растолстеешь и не обленишься, как Вагни, х-ха!

— А меня ты возьмешь с собой, Асгрим?

— А как же хозяйство, Хильда? Кто будет помогать маме прясть и сбивать масло? Разве ты не хочешь стать такой же хорошей хозяйкой, как Трюд?

— Не хочу! Прясть и сбивать масло — скучно! Не хочу быть хозяйкой, я хочу стать скальдом, как ты!

— Девушка-скальд — ха-ха! Много тогда на тебя найдется женихов!

— Сейчас стукну! Правда стукну! Асгрим, скажи Гринольву, что я тоже смогу поплыть с тобой! А Трюд и Вагни пускай остаются дома и помогают маме. Я тоже хочу поплыть с тобой, Асгрим, правда...

Плыви!
Голубоватый полумрак...
Плыви!
Звон в ушах, шелест травы...
Плыви...
Холод.
Тьма.

Глава третья. Дар реки

— Мне это не нравится, — Канюк приподнялся на стременах, заслонил рукой глаза, вглядываясь в сторону красной от закатного солнца реки. — Гляньте, как кружат над излучиной птицы! Не к добру это, ох, не к добру...

— Кружат, — согласился Истислав. Его конь чуял воду, рыл широким копытом дерн, порывался поскакать вниз с холма.

— Так ведь лошадей все равно надобно напоить, — буркнул Храбр. — Уж лучше подъехать к реке здесь, где ее видать в обе стороны на сто саженьей.

— Не нравятся мне эти птицы, — не сдавался Канюк. — С чего бы им так всполошиться?

— Может, какая-нибудь пташка чирикнула им, что в этих местах появился грозный Канюк? — спросил Златомир, тоже глядя в сторону оранжево-красной реки, но в то же время кося

глазом на угрюмого свержича.

Златомир мог побиться об заклад, что Канюк получил свое имя не только за крючковатый нос, похожий на нос хищной птицы, но и за привычку часто канючить. Если бы с неба пошел дождь из блинов, Канюк стал бы ворчать, что они не намазаны медом.

Горбоносый свержич вызверился на Златомира, Златомир в ответ улыбнулся широкой, как степь, улыбкой.

— Хватит! — Храбр направил своего вороного вниз по склону холма. — Будем лаяться — упустим свет!

Канюк и Истислав поехали за старшим, но Златомир задержался на холме, глядя в сторону тростниковых зарослей у излучины. Прикрыл ладонью глаза от слабеющего солнца — и крикнул:

— Смотрите!

Никто не успел понять толком, куда надо смотреть, а Златомир уже поскакал к реке, обогнав остальную ватагу. Храбр что-то сердито закричал ему вслед, но Злат не остановился, пока не вылетел на берег. Там он придержал коня — заманчиво-ровная зелень могла обернуться топью.

Златомир прыгнул с игреневого жеребца, сапоги и впрямь до середины погрузились в хлюпающую травяную кашу. Шаг за шагом он медленно подошел к невысоким тростникам, сквозь

которые посверкивала вода.

Среди тростников лицом вниз лежал человек. Босой, в кожаной одеже, длинноволосый. Златомир тронул утопленника ногой, держа руку на рукояти ножа. Потом толкнул в бок посильней, перевернул на спину.

Сзади зафыркали кони подскакавших свержичей. Храбр что-то пробормотал, обращаясь к водяным девам, Канюк торжествующе сказал:

— Я же говорил — это не к добру!

Злат не обернулся, рассматривая утопца. Парень был молодым, в его волосах и на одежде запеклась кровь, которую не смыла река и не скрыла грязь. На среднем пальце правой руки поблескивало золотое кольцо, и Златомир быстро нагнулся, чтобы его снять. Ладонь утопца оказалась заскорузлой, со старыми мозолями, но без шрамов, какие оставляет плотницкое или кузнечное ремесло.

— Варяг! — бросил Злат через плечо остальным.

Никто из свержичей не спешил, все остались в седлах, не пытаясь подъехать ближе.

— Уверен? — спросил Храбр.

— У него рука от весла жесткая, что конское копыто. От весла и от меча. Это варяг.

— Скверно. Варяги редко рыщут в одиночку. Надо живей напоить коней и езжать.

Злат не ответил, обшаривая покойника.

Свержичи переговаривались между собой:

— Глянь, сколько кровищи... Со своими побился или с кем из непровского люда?

— Я же говорил — птицы кружат не зря... Как бы река не вынесла на нас его дружков, варяги всегда рыщут стаями, старшой прав...

— Не накличь лиха, Канюк. Брось утопца, Златомир, слышь? Едем!

— Слышу, — не разгибаясь, ответил Злат, продолжая споро обшаривать свою находку.

Меча на варяге не было, значит, оружие взяла река, но на окровавленной шее поблескивала бронзовая гривна с подвешенной на ней маленьким молоточком. Злат сунул кольцо за пазуху, наклонился, чтобы снять искусно выделанный тонкий обруч, в поисках застежки забрался пальцами под холодные мокрые волосы покойника.

Покойник схватил его за горло.

Асgrim схватил врага за горло, но пальцы тут же сорвались, вцепились в кожаную одежду. Сын Рагнара рванул на себя наклонившегося над ним человека, попытался садануть лбом, но сам получил удар в лицо — такой, что перед глазами вспыхнули желтые и красные круги.

Асgrim с клокочущим рычанием наугад ухватился за что-то теплое, вырывающееся, попытался лягнуть, но попал в пустоту.

К его щеке прижался клинок, обжег холодом резче ветра. Асгрим по-прежнему мало что видел сквозь желто-красно-черную муть, но, щелкнув наугад зубами, с радостью ощутил во рту вкус чужой крови. Раздался вопль, нож у его щеки исчез.

А потом на него уронили раскаленную наковальню. Так ему показалось, хотя, скорее всего, ему просто наступили на грудь коленом.

Желто-красное сияние померкло, Асгрим с бессильным бешенством понял, что не может больше драться, не может даже пошевелиться, что снова тонет, только на этот раз — в реке, которая *внутри* него... Наковальня с его груди пропала, его перевернули на бок, стукнули по спине, и река вырвалась из легких наружу.

Где-то неподалеку переговаривались люди, их голоса налетали порывами, как пахнувший водой и травой ветер. Асгрима не заботило, о чем они говорят: давясь, он судорожно выблевывал воду и пытался вспомнить, как надо дышать. Из носа тоже текла вода. Его трясло с головы до ног, земля под ним качалась и крутилась.

А потом вернулась темнота.

Златомир выпрямился, тяжело дыша, облизывая окровавленное запястье, и увидел, что Храбр наконец-то спешился и стоит над «утопцем», уткнув острие копья ему в грудь.

— Прикончи его, старшой! — крикнул Канюк.

— Нет!

Златомир схватился за копьё.

— Он мой! Я его нашел!

— На что тебе этот дохляк? — строго спросил Храбр. Копьё в его руках не шевельнулось. — Лучше вернуть его речному деду.

— Река его отдала, — Злат упрямо не отпускал копьё. — Я нашел его, значит, он мой! Сразу видно — он не из простых, значит, за него дадут богатый выкуп. А нет — продам его на киевском рынке. Бросить в реку столько серебра, ишь, чего удумали!

— Сдохнешь когда-нибудь через свою жадность, — презрительно подал голос неразговорчивый Истислав. — Погоди, вот очухается твое «серебро», не только руку — голову тебе отгрызет.

— Не очухается, — в кои-то веки Канюк решил, что судьба распорядилась к лучшему. — Он уже... того... не дышит. Можно бросить его в реку и езжать.

Злат наклонился, приложил окровавленную руку к груди варяга — и ощутил частые удары сердца под наконечником копьё.

— Он жив, — Златомир поднял голову и в упор посмотрел на Храбра. — И он — мой!

Храбр переводил взгляд со Злата на варяга и

обратно. Потом нехотя отвел копые.

— Как знаешь. Только если вздумает ерепениться или начнет отставать — приколю.

— Не отстанет. Все равно скоро заночуем, а к завтраму он продышится, — уверенно заявил Злат.

Подобрал оброненный в драке с «утопцем» нож, сунул в сапог и вернулся к коню, чтобы вынуть из седельной сумки веревку.

Храбр уже сел на вороного и, не оглядываясь, ехал прочь. Свержичи, знавшие, что спорить со старшим бесполезно, вслед за ним повернули коней туда, где неподалеку виднелась полоска ровного песчаного берега. Ни один из них не задержался, чтобы подождать Злата.

Златомир связал руки варяга, нащупал-таки замок гривны на шее «утопца», разомкнул концы бронзового обруча и надел гривну на себя. Потом снова облизал окровавленное запястье. Ему еще повезло, что варяг не перегрыз ему жилы.

— Выбил бы я тебе за это зубы, пес, да негоже портить товар, — сплюнув кровь, проворчал Злат.

Понатужившись, перекинул пленника через плечо и пошел к своему нетерпеливо фыркающему жеребцу.

Глава четвертая. Плен

Когда Асgrim снова очнулся, ему было тепло.

И мягко.

Несколько мгновений он просто наслаждался теплом, не желая знать, кто разговаривает рядом и в каком очаге потрескивает согревающее его пламя. Ему было довольно того, что он снова может ровно дышать и что под ним прочная земля, а не предательская вода. Вот если бы еще при каждом вдохе не резало так в груди... Его что, отходили в какой-то драке?...

Потом память ударила Асгрима обухом боевого топора, и он напрягся, стиснув зубы.

Бой на драккаре.

Харальд с копьём в плече.

Лейв, с хохотом размахивающий мечом...

Битва с рекой, драка на берегу, удар в лицо...

Асгрим приоткрыл глаза — чуть-чуть, чтобы не привлечь внимания врага. Что рядом враги, он знал, потому что у него были связаны руки.

Он лежал, закутанный в шкуры, возле костра, выстреливающего искры в ночную темноту. Над костром висел закопченный котелок, в котором булькало что-то мясное, вкусный запах варева мешался с запахами дыма, листвы и прели. Судя по размеру котла, еда готовилась на четверых или пятерых. Вокруг стоял лес — темный, шевелящий ветвями под порывами легкого ветра, порой агукающий далекими совиными голосами. За костром, возле деревьев на краю прогалины,

щипали траву кони — Асгрим насчитал пять больших теней.

Он слегка шевельнулся, и почти сразу костер погас, заслоненный человеческим силуэтом. Голоса рядом смолкли.

Притворяться больше не было смысла, и Асгрим медленно сел, закусив губу от ломающей боли во всем теле. Сесть удалось с трудом: руки оказались скручены на совесть, хорошо хоть, не за спиной. Он был раздет догола, и, когда шкура соскользнула с его плеча, его сперва окатило порывом прохладного ветра, а потом — теплым воздухом, идущим от костра.

Стоявший перед ним человек что-то спросил, и Асгрим просипел в ответ:

— Пусть змеи сожрут твою печень!

Силуэт передвинулся в сторону: человек сел возле костра вполоборота к сыну Рагнара, перестав быть просто черным пятном на оранжево-дымчатом фоне. Пламя высветило молодое лицо с высокими скулами, губы, кривящиеся в усмешке, перехваченные на лбу плетеным ремешком кудрявые волосы цвета самых бледных языков огня. Грудь крест-накрест пересекали ремни перевязей, на правой висел кожаный колчан, из сапога выглядывала костяная рукоять ножа. Меча и лука Асгрим не увидел, зато увидел повязку на левом запястье гарда и понял, что именно с ним

дрался у реки. Жаль, тогда удалось прокусить противнику только руку, а не шею, на которой висел теперь бронзовый обруч с амулетом в виде молота Тора — давнишний подарок Рагнара.

Асгрим уставился на врага сквозь пряди влажных волос, мысленно слыша хруст его ломающихся позвонков. С этим человеком он сумел бы справиться голыми руками. Что же касается остальных...

Он скользнул быстрым взглядом по другим сидевшим у костра, дольше всего задержавшись на высоком, широкоплечем, седобородом богатыре с мечом у пояса. Насколько Асгрим успел заметить во время пути от Алдейгьюборга,⁶ здешняя земля вообще рождала могучих, высоких мужчин. Двое, сидевшие слева и справа от седобородого, тоже были здоровяками, и топоры их, хоть и были поменьше секиры Харальда, выглядели почти так же грозно, как Сокрушитель Черепов. Но все же седой казался самым опасным из четверых, и Асгрим решил убить его первым, когда придет время бежать.

— Свей, — бросил своим огненноволосый гард. Потом снова повернулся к пленнику и спросил: — Как тебя зовут?

⁶ Алдейгьюборгом скандинавы называли Ладогу.

Асgrim оторвался от разглядывания дров, воткнутых в землю поодаль от костра, и удивленно посмотрел на вопрошавшего. Меньше всего он ожидал услышать в лесной глуши Гардарики родную речь. И вопрос был задан почти без акцента.

Должно быть, от удивления он ответил сразу и даже без обычных околичностей, с какими разумный человек называет врагу свое имя:

— Асgrim Рагнарсон.

— Асgrim, вот как? — гард растянул губы в глумливой ухмылке. — Ты уверен? А мне сдается, тебе больше подошло бы имя Угрюм.

Асgrim решил, что первым убьет не седобородого, а этого наглеца.

— А меня зовут Златомир, — заявил наглец, скрестив на груди руки. — И теперь я — твой господин.

Асgrim подумал, что этому гарду не удастся умереть быстрой смертью.

— Надеюсь, у тебя есть богатая родня, — продолжал гард Златомир, даже не подозревая, что его только что приговорили к лютой кончине. — Потому что если у тебя не найдется родни, готовой дать за тебя большой выкуп, я продам тебя на невольничьем рынке в Киеве... по-вашему, в Кенугарде. Таких крепких парней, как ты, охотно покупают купцы из Царьграда... из Миклагарда,

по-вашему. На царьградских ладьях всегда нужны гребцы, а кое-кто из тамошних богатеев держит для потехи не только баб и ослов, но и смазливых юношей. Особенно, говорят, там охочи до светлокожих и светловолосых.

Медленно. Асгрим убьет мерзавца медленно. Порезет на куски — начиная с его поганого языка.

— Так что лучше тебе откупиться, Угрюм, — закончил языкастый мерзавец и, подавшись вперед, требовательно уставился на Асгрима. — Ну, что скажешь? Есть у тебя родня или друзья, которые дадут за тебя выкуп в пять гривен?

— Нет, — ледяным голосом ответил Асгрим.

Гард выбил пальцами дробь на своем колчане. Помолчал, почесал за ухом, подергал на шее краденый обруч — и спросил:

— Девяносто ногат? Четыре с полушкой гривны — не такая уж большая плата за...

— Нет, — в голосе Асгрима сквозь лед прорубилась сталь.

— Четыре гривны. Это последняя цена!

Гард по имени Златомир словно выторговывал лошадь.

— У меня нет родни и друзей, который дали бы за меня хоть один эртуг,⁷ — отрезал Асгрим,

⁷ Мелкая монета в Швеции. 24 эртуга равнялись одной марке.

почти не погрешив против истины.

Платить за него выкуп стал бы только Харальд. Но Харальд, скорее всего, сейчас уже сидел за пиршественным столом в Вальгалле бок о бок о своим побратимом Рагнаром... И с младшим сыном Рагнара Гринольвом, погибшим смертью храбреца с оружием в руках. Тогда как старший сын Рагнара не только не отомстил за смерть родных, но и лишился оружия, которым поклялся совершить месть!

Асгрим с глухим рыком попытался рвануть себя за волосы. Потом зарычал снова, вспомнив, что у него связаны руки. На миг он умудрился забыть об этом; умудрился забыть даже, что он в плену и что у него появились четыре новых врага, трое из которых едва обращают на него внимание, а четвертый собирается продать его миклагардцам для скотских утех.

Рычание Асгрима перешло в надсадный кашель, но вдруг ему в голову пришла одна мысль, впервые за очень долгое время заставившая его улыбнуться. Пожалуй, он не убьет наглого гарда Златомира, а захватит его живьем. Если миклагардские богатеи хорошо платят за юношей и особенно ценят светловолосых, им наверняка понравится молодой гард с волосами цвета светлого

огня...

Что-то ткнулось в связанные руки Асгрима, лицо его окатила волна ароматного пара: будущий предмет вожделений миклагардских богачей сунул ему деревянную миску, от которой валил густой пар.

— Ешь, — велел Златомир, звонко хлопнув пленника по голому плечу. — До Кенугарда путь неблизкий.

Глава пятая. Тур

Они двигались по широкой зеленой равнине, пестреющей полевыми цветами: четверо гардов — верхом, Асgrim — пешком, со связанными впереди руками.

Утром Златомир отдал Асгриму его высохшую одежду, заскорузлую от речной воды, швырнул даже пару мягких кожаных башмаков и ненадолго развязал руки, чтобы пленник мог отлить и умыться в лесном ручье. Потом снова скрутил викингу запястья длинным тонким ремнем и накинул петлю на другом конце ремня на луку седла своего игреневого жеребца.

Сперва гарды ехали цепочкой по чуть приметной лесной тропинке, но когда лес остался позади, Златомир начал то и дело пускать коня быстрой рысью, заставляя «варяга» переходить на

бег и со смехом крича что-то про медведя на цепи.

Асгрим окончательно решил не брать Златомира живьем, а убить при первой же возможности. Или, еще того лучше, жестоко покалечить, ведь для мужчины жизнь беспомощного калеки — хуже смерти. Он не сомневался, что такая возможность ему скоро представится. У Златомира не было ни меча, ни топора, ни копья — только нож в сапоге да лук в налуче, висящем на перевязи у левого бедра. Если бы не остальные гарды, особенно седобородый, на стоянке в лесу не сводивший с пленника глаз и все время державший под рукой копьё, Асгрим ни за что не дал бы снова себя связать.

Отряд ехал по яркой зелени, уходящей к горизонту, кое-где испятнанной темно-зелеными рощицами дубов и лип. В голубом небе летали легкие ласточки, над цветами жужжали пчелы, от запахов лета и от простора равнины захватывало дух...

Должно было захватывать, но мир Асгрима был ограничен ремнем длиной в пятнадцать шагов и пропитан не цветочным запахом, а ненавистью и злобой. Не той вдохновенной яростью, которая поднимает воинов в бой, дает силу рукам, заставляет слагать боевые песни. Его распирала темная злость на все и вся, превратившая ясный летний день в дождливые хмурые сумерки.

Судьба в последнее время просто издевалась над Асгримом, в довершение всего сделав пленником самого ничтожного из гардов. Все остальные в маленьком отряде имели оружие мужчин — топоры, мечи, копья — но Златомир был вооружен, как мальчишка, впервые отправившийся с отцом на охоту. И вел он себя, как мальчишка, на уме у которого только дурацкие проказы. Асгрим решительно отогнал воспоминания о том дне, когда сам впервые отправился на охоту с Рагнармом и... Ерунда. Ему было тогда всего восемь лет. А Златомиру — не меньше, чем Асгриму сейчас, в таком возрасте мужчины должны вести себя, как мужчины, а не как бестолковые сорванцы.

Похоже, остальные члены отряда разделяли мнение Асгрима, потому что на каждые двадцать слов золотоволосого лучника отвечали одним-двумя и явно сторонились его.

Скоро Асгрим решил, что Златомир для своих спутников — чужак, наверное, выходец из какого-то другого здешнего племени. Уж слишком он отличался от других гардов — и оружием, и плотно пригнанной кожаной одеждой, непохожей на просторные домотканые рубахи и штаны трех неразговорчивых бородачей, и плащом из волчьей шкуры вместо длинных суконных безрукавок, и остроносыми, щедро изукрашенными сапогами до середины икр вместо мягких кожаных башмаков с

обмотками, которые носили остальные трое.

Но Асгрим отметил это лишь по старой привычке замечать любые мелочи, когда дело касается врага. Если не считать оружия противника, по-настоящему его интересовало лишь одно: то, что игрневый жеребец Златомира отличался от других коней отряда не меньше, чем его хозяин отличался от прочих седоков. Асгрим неплохо разбирался в лошадях и знал, что рыжий белогривый жеребец легко обгонит остальных коней, обойдет на корпус за пять-шесть биений сердца и вряд ли позволит сократить этот разрыв. А завладеть игрневым конем будет не так уж трудно.

К тому времени, как солнце выпуталось из крон далекого леса, Асгрим порядком растянул ремень на руках и теперь мог сбросить его в любой момент. Добежать до игрневого жеребца он сумеет за шесть-семь биений сердца. Даже если гард успеет за это время схватиться за лук, натянуть тетиву он не успеет наверняка. Еще три-четыре мгновения — и Асгрим, сдернув легкого всадника с седла, сломает ему шею. А потом сам окажется в седле — и игрневый скроется в роще прежде, чем остальные гарды успеют вымолвить: «Мьёллнир меня порази!», глядя вслед беглецу. Или что здешние воины поминают в таких случаях вместо молота Тора? Конечно, когда гарды очухаются от неожиданности, вслед Асгриму полетят копья и

дроты, и тогда ему останется рассчитывать только на удачу и на прикрытие деревьев. Словом, дело оставалось за рощей, в которую можно будет нырнуть сразу после побега.

Асгрим уже пропустил несколько слишком маленьких дубовых куп, но видневшийся впереди лесок казался ему подходящим. Если он окажется подходящим и вблизи, через двести-триста шагов игрневый жеребец поменяет седока, а там...

Нынешний седок игрневого потянулся, тряхнул головой — и запел. Седобородый шикнул на Златомира, но тот лишь ненадолго понизил голос, а потом снова загорланил вовсю.

Асгрим не понимал слов, но песня была похожа на эту широкую равнину или на такое же широкое море, по которому ходят медленные валы — ленивые, но полные скрытой мощи, готовые взметнуться и сокрушить в щепы легкие хрупкие суда.

Как ни странно, седобородый больше не пытался заткнуть глотку певцу. А потом, к удивлению Асгрима, трое гардов начали вполголоса подтягивать или просто мычать себе под нос. Песня плыла над травой и цветами, взмывала над верхушками деревьев и еще выше — туда, где летали быстрокрылые ласточки, а потом еще выше — под самые облака... Златомир чуть покачивался в седле, и, запрокинув кудрявую

голову, наслаждался тем, как из него выхлестывает звук.

Асгрим стиснул зубы от неожиданно прихлынувшей ненависти. Сам он не пел уже давным-давно; почти год к нему не приходили стихи и мелодии, за которые его когда-то прозвали Асгримом Звонкоголосым. Мед поэзии, оброненный Одним на землю и достающийся немногим смертным, год назад выгорел в душе старшего сына Рагнара, и незаживший ожог все еще саднил. А теперь какой-то жалкий гард ведет его на привязи за своим конем и нагло распевает, словно вдохновленный богами скальд!

Асгрим приподнял верхнюю губу в беззвучном рычании и смерил взглядом расстояние до приближающейся рощи. Осталось совсем немного, не больше восьмидесяти шагов. Скоро гард замолчит навеки, так что пусть погорланит еще, пусть даже не подозревает, что за его спиной шагает нетерпеливая смерть. Пусть не услышит ее поступи до тех пор, пока она не очутится прямо у него за спиной...

Трубный рев пронесся над полем, качнул стебли травы, выбросил из нее испуганных жаворонков.

Асгрим остановился, как вкопанный, гарды резко рванули поводья, поспешно заворачивая коней. Златомир перестал петь, остановил жеребца

и быстро вынул лук из чехла — так быстро, что пленник закусил губу, обнаружив, что гард уже натянул тетиву. Харальд был прав, без устали твердя сыну побратима: нельзя недооценивать врага!

И все же Асгрим приготовился к броску. Может быть, обитающий в леске неведомый зверь отвлечет гардов, подарив ему тот шанс, которого он ждал?

Зверь показался из-за деревьев...

И Асгрим, забыв о бегстве, несколькими судорожными движениями выкрутил руки из растянутого ремня. Машинально потянувшись за мечом, викинг опомнился только тогда, когда нашел у бедра пустоту. Хотя кой толк был бы сейчас от меча! Монстра, появившегося из рощи, можно было сразить разве что молотом Тора.

«Бородатые чудовища» — так называли викинги Харальда косматых круторогих зумпров, медленно бродивших по зеленым землям Гардарики. Как же они назвали бы тогда это черное воплощение ярости с длинными, устремленными вперед рогами, в полтора раза превосходившее размерами самого матерого зумпра-самца? Асгриму еще не приходилось видеть таких громадных и злых быков. И вряд ли он захотел бы увидеть это отродье вблизи, даже если бы держал в руках окованное медью охотничье копьё с тяжелым

трехгранным наконечником.

Черный гигант с белой полосой, тянущейся по хребту, в ярости рыл копытами траву и хлестал себя хвостом по крутым бокам. Асгрим начал пятиться, но его остановила натянувшаяся веревка. Пригнув лобастую голову с похожими на мечи рогами, бык испустил новый утробный рев, от которого листва едва не посыпалась с деревьев.

Дальше все закрутилось очень быстро.

Взбрыкнув, бык помчался на Златомира, который застыл в седле между пленником и зверем, и тогда гард сделал самую невероятную вещь, которой Асгрим никак не ожидал. Сбросив с луки седла ременную петлю, Златомир гикнул и с луком в одной руке поскакал навстречу атакующей смерти.

Где-то сзади орали остальные гарды, их крики были еле слышны сквозь непрерывный грохочущий рев. Не дожидаясь, пока монстр поднимет на рога всадника вместе с конем и помчится дальше, Асгрим кинулся в сторону, хоть и понимал, что это бесполезно. Несмотря на громадные размеры, бык двигался стремительней играющего в волнах тюленя; от него наверняка унес бы не каждый конь, а уж пешего он догнал бы в мгновение ока.

Поскольку путь к лесу был отрезан, Асгрим помчался в поле и остановился только тогда, когда рев стих, сменившись почти таким же громким

фырканием.

Обернувшись, сын Рагнара увидел, что всадник и бык разминулись. Игреновый жеребец приплясывал теперь в тридцати шагах от быка, который готовился к новому броску, в безумной ярости вырывая копытами уже не траву, а клочья шерсти с собственного брюха. С губ зверюги летела пена, словно с губ безумного берсерка, шерсть на хребте и загривке вздыбилась и ходила волнами, отчего бык стал казаться еще огромнее.

Но Златомиру, похоже, показалось, что зверь ведет себя слишком спокойно, и гард протяжно засвистел и заулюлюкал, заставив Асгрима усомниться, кто из этих двоих безумнее — бык или человек.

Бык помчался на всадника с резовостью шестиногого коня Одина — Слепнийра. Почти сразу в черную холку наискось воткнулся пущенный издалека дрот, едва проткнув шкуру. Приветствие от одного из бородачей. Бык с ревом развернулся, взметнув комья земли и клочья травы, и кинулся туда, откуда прилетела ранившая его колючка.

В сторону Асгрима.

Асgrim знал, что на него несется смерть, и знал, что ничего не успеет и не сможет сделать. Он был безоружен, стоял на открытом месте; ему оставалось только встретить судьбу лицом к лицу,

прокляв ее за то, что она напоследок еще раз посмеялась над ним, не дав даже возможности погибнуть с оружием в руках...

Над головой викинга мелькнуло копьё, ударилось о рог быка и отлетело далеко в сторону. Копьё еще не успело упасть на траву, как Асгрим кинулся к нему, прекрасно понимая: не успеет он коснуться древка, как превратится в изувеченный труп. Земля сбоку дрожала от топота копыт, он уже чуял горячий запах приближающегося зверя, от бычьего рева закладывало уши. И все-таки Асгрим бежал, как одержимый, мечтая успеть подобрать копьё и нанести хотя бы один удар, прежде чем его захлестнет последняя боль, а потом — темнота...

Мимо ярким сполохом промелькнул рыжий конь с развевающимся белым хвостом. Златомир круто развернул жеребца в десяти шагах перед Асгримом, вскинул лук, быстрым движением оттянул тетиву к уху и пустил стрелу.

Рев взлетел к небесам на невероятно звонкой, вибрирующей ноте — и смолк, словно отсеченный мечом.

Асгрим все-таки добежал до копьё, подхватил его и с криком крутнулся, приготовившись ударить летящую на него штормовую волну...

И замер.

Бык был уже совсем рядом — на расстоянии не броска, а удара копьём. Длинные, направленные

вперед, чуть разведенные в стороны рога почти нависли над головой Асгрима, но эта черная волна не двигалась, застыв посреди разбега. Из правого бычьего глаза, большого, как оголовье меча, торчала стрела, всаженная почти по самое оперение. Стрела вошла так глубоко, что наконечник наверняка вонзился в мозг, и все-таки раздутые ноздри еще силились втянуть воздух, по холке пробегала судорожная дрожь, рога качались вправо и влево...

До боли в пальцах сжав древко, Асgrim увидел, как бык сделал один-единственный короткий шаг, — а потом ноги зверя подломились, и он рухнул на траву с шумом, от которого должен был содрогнуться весь Митгард. Острый длинный рог почти коснулся ноги Асгрима, и тот невольно попятился. Широкие копыта проскребли по смятой траве, раздалось последнее натужное фырканье, окатившее ноги Асгрима клочьями белой пены — и черная гора затихла.

По ушам ударила робкая переключка птиц в роще неподалеку. Снова, очень громко, зашумел ветер в траве. Сзади резко звякнули трензеля.

Все еще сжимая в руках копьё, Асgrim повернулся и увидел, что Златомир соскакивает с коня с луком в руке. Волосы гарда, перехваченные по лбу плетеным кожаным ремешком, потемнели от пота, он улыбался шальной широкой улыбкой.

— Что, варяг, небось, еще никогда...

Златомир осекся, не договорив: Асgrim быстро шагнул к нему, нацелив копьё ему в живот.

Глава шестая. Схватка

— Положь копьё, живо! — грозно велел пленнику Храбр, подъезжая шагом и вынимая из ножен меч.

Асgrim стоял к старшему спиной, но по тому, как напрягся варяг, Златомир понял — он слышал скрежет клинка, проехавшегося по устью ножен. И все же Асgrim не обернулся и копьё в его руках не дрогнуло.

Злат лихорадочно соображал, что делать. Его отделяло от пленника расстояние в полтора дrevка, и Златомир знал: успеи он даже выхватить стрелу и сделать выстрел, острый трехгранный наконечник копьё все равно воткнется ему в кишки. Почти наверняка варяг сумеет его пырнуть, даже получив в спину топор или сулицу — Златомир уже видел раньше, насколько живучи северные бойцы. Но даже если свей не достанет его копьём, все равно выйдет неладно: со смертью пленника по меньшей мере три гривны пойдут псу под хвост. Поэтому Злат крикнул свержичам:

— Замрите! Не подъезжайте!

Истислав и Канюк, ехавшие на рысях к

убитому туру, только пожали плечами, но Храбр поднял руку, и они, повинуясь жесту старшего, остановились.

— Может, договоримся, Угрюм? — ласково улыбаясь, обратился к варягу Златомир. — Ты положишь копье, а я больше тебя не свяжу. Негоже связывать такого храброго воина, как...

Он замолчал при виде ответной улыбки Асгрима. То была очень скверная улыбка.

— Ты больше меня не свяжешь, — сказал свей.

Это было не согласие, а категорическое утверждение.

Златомир, облизнув губы, попробовал снова:

— Ты положишь копье, а я уберу лук. Согласен?

— Ты пойдешь вправо, а я пойду влево, — глядя прямо ему в глаза ледяными голубыми глазами, ровным голосом проговорил варяг.

Сперва Златомир не понял, потом помотал головой.

— Не дури. Ты никогда не...

Копье в руках варяга чуть шевельнулось: он приготовился нанести удар.

— Я все равно рискну, — так же ровно проговорил Асgrim. — Будешь ты стоять на ногах или будешь лежать с пропоротым брюхом, я рискну. Решай, что станешь делать. И быстро.

Златомир решил. Быстро.

— Хорошо, — сказал он. — Я иду.

Варяг снова приподнял верхнюю губу, обнажив зубы в хищной улыбке, и сделал мягкий шаг влево. Злат одновременно с ним шагнул вправо. Так, шаг за шагом, не спуская друг с друга глаз, они описали два полукруга и остановились. Теперь за спиной Златомира оказалась черная гора убитого тура, чуть дальше — Храбр верхом, с мечом в руке, и остальные свержичи, а за спиной варяга — мотающий головой игрневый жеребец.

— Славно потанцевали, — снова улыбнулся Злат. — Может, теперь споем?

Ему сразу расхотелось улыбаться, когда варяг гибким движением нырнул назад, под лошадиную шею, и одной рукой схватил жеребца под уздцы. Златомир ожидал, что Угрюм попытается завладеть его конем и сбежать — а что еще он мог сделать? — и собирался легко подранить дурака, едва тот опустит или отведет в сторону копые. Но Злат не ожидал, что проклятуший варяг сразу прикроется Семарглом.

— Брось сюда колчан, — велел Асгрим.

— Что?!

— Если не бросишь, пропорю твоему коню брюхо.

— Совсем сдурел?! — заорал Злат, с трудом удержав руку, рванувшуюся к тулу за стрелой. —

Если сотворишь что-нибудь с конем, вгоню стрелу тебе в глаз, слышь, вражина?!

— Давай, — по-прежнему неестественно спокойно ответил варяг из-за спины Семаргла. — Думаю, такой конь сто ит побольше раба. Брось мне колчан, гард, иначе останешься безо всего. Живым я больше не дамся, придется тебе поискать на продажу другой товар. Брось колчан, а лук можешь оставить себе.

— Долго еще мы будем слушать его тарабарщину? — крикнул за спиной Златомира Канюк.

— Что говорит варяг? — спросил Храбр.

— Держи! — яростно гаркнул Злат, отцепляя от перевязи тул.

Он хотел было кинуть тул в сторону, но побоялся рисковать Семарглом — кто знает, что тогда мог выкинуть окаянный свей. Бросок получился таким точным, что Асгрим сумел поймать колчан той же рукой, какой держал узду. Зазвенели трензеля, конь нервно заплясал, но Асгрим умело успокоил его, сунул тул в чресседельную суму и взметнулся в седло.

Без прощального слова и без прощального взгляда варяг завернул жеребца и с места поднял в галоп.

Быстро обернувшись, Злат вырвал стрелу из глаза мертвого тура. Натянул тетиву, но

заколебался, удерживая ярко-синее оперение возле уха. Варяг не был дураком, он то и дело заставлял коня резко менять направление, но все равно попасть в него было пустяшным делом... Вот только стрела с наконечником-срезнем, предназначенным для крупного зверя, безнадежно искалечила бы беглеца. У Злата мелькнула мысль завернуть Семаргла свистом, заставив сбросить чужого всадника, но он побоялся, что, даже сброшенный, свей сумеет пропороть жеребца копьём. Хорошо, что свержичи не начали метать вслед беглецу сулицы, наверняка решив, что удравший пленник — не их заботы и что с его бегством они ничего не потеряют.

Однако медлить дольше было нельзя: варяг вот-вот мог скрыться в роще. Вздохнув и задержав дыхание, Златомир прицелился меж широких лопаток бывшего пленника, которому не судьба была, значит, вернуться в варяжские земли или отправиться в земли царьградские...

Канюк заорал — хрипло, без слов, а Храбр бешено выругался.

Златомир резко выдохнул и опустил лук.

Из-за взгорка впереди вылетели несколько всадников и размашистым галопом, с диким посвистом и улюлюканьем устремились навстречу варягу.

— Печенеги! — рявкнул Истислав неизвестно

кому.

Все и так видели отороченные мехом высокие шапки, остроконечные шлемы с развевающимися хвостами, слышали боевые вопли степняков и понимали, что если варяг от них и ускользнет — он был уже у самых деревьев — то оставшимся в чистом поле боя не миновать.

Златомир снова поднял лук и повел им в сторону, ловя новую цель.

Когда навстречу Асгриму из-за пригорка выметнулись пронзительно завывающие всадники, он от неожиданности придержал жеребца. Мирная с виду зеленая земля Гардарики то и дело одаривала его сюрпризами: из роц вылетали дикие быки, из-за холмов — дикие всадники... Асгрим колебался всего пару мгновений. Было ясно, что в лесу у него больше шансов уйти от смерти, и он снова ударил пятками жеребца, но сквозь вопли приближающихся верховых уже зазвучал посвист стрел.

Одна стрела царапнула висок Асгрима, окатив щеку теплой кровью, вторая воткнулась в седло у бедра, третья обожгла шею. И тогда с ним случилось то, что уже случалось прежде, в битве при Фалерно и раньше: боль и запах собственной крови швырнули его в боевую ярость. Вопли атакующих, призванные напугать и ошарашить

противника, наоборот, распалили в Асгриме жгучую ненависть и жажду убивать. От него ускользнул Лейв, он не смог прикончить гарда, сделавшего его «медведем на цепи», и вся распиравшая его нерастраченая злоба обратилась на всадников, которые пытались его пристрелить. Может, он и успел бы скрыться в лесу, но уж лучше пасть в битве, чем бесславно подохнуть во время бегства от стрелы в спину!

— Тор!!! — заорал Асгрим, заставив игреневого жеребца птицей распластаться над травой.

С каждым стуком конских копыт, с каждым криком приближающегося врага в сыне Рагнара росло желание убивать. Асгрим даже не думал о том, что раньше ни разу не сражался верхом, что всадники вооружены не только луками, но и мечами, что их восемь против него одного. Он просто хотел как можно скорее оказаться среди врагов и почуять запах не только своей, но и чужой крови.

Златомир затаил дыхание, увидев, как варяг влетел в гущу степняков. На мгновение своей пропал среди них, затерялся среди мечущихся хвостов и лент на верхушках высоких шапок, среди взблесков изогнутых мечей. Злат не сомневался, что спустя несколько мгновений печенеги поскачут дальше,

оставив на траве изрубленный труп, и надеялся только, что Семаргл уцелеет. То, что в коня до сих пор не воткнули стрелу, уже было чудом, огромной милостью Велеса...

Мимо Златомира проскакали Храбр, Истислав и Канюк: свержичи как пить дать решили, что, пока степняки занимаются беглецом, есть шанс к ним приблизиться, не попав под меткие печенежьи стрелы.

Злат прицелился в одного из крутящихся сбоку свалки всадников и мягко отпустил тетиву. Срезень угодил печенегу в бок, вышвырнув из седла, и убитый сразу пропал под копытами топчущихся коней, а лошадь без седока помчалась в поле.

Вслед за ней из общей кучи вырвалась еще одна лошадь с пустым седлом, круговерть людей и коней на мгновение распалась, и Златомир ошалело увидел меж шлемов и опушенных шапок развевающиеся светлые волосы варяга. Угрюм все еще был жив! Теперь варяг держал в одной руке изогнутый меч, в другой — небольшой круглый щит и неистово орудовал и тем и другим, а его копьё торчало в груди запутавшегося в стремени мертвеца. Семаргл, доведенный до неистовства запахом крови, диким гвалтом и звоном мечей, крутился, не чуя больше поводьев, с привизгом ржал и лягался, но варяг все-таки держался в седле.

Лошадь с запутавшимся в стремени степняком бесновалась не хуже Семаргла, мешая печенегам подступиться к белокурому безумцу на игреневом жеребце, к бесстрашному убийце, рубившему все и вся, до чего удавалось дотянуться. До самого варяга, похоже, всерьез еще не дотянулся никто — руки у него были длиннее, чем у печенегов.

Заглядевшись на вихрь конских грив, мелькания клинков и копыт, Златомир увидел, как из этого вихря вылетела лошадь, волоча за собой проткнутый копьем труп, как за ней последовали два живых конника. Едва вырвавшись из смертоносного клубка, степняки остановились, вскинули луки и прицелились в приближающихся свержичей.

Злат сунул лук в налучь и побежал к вороной, первой лишившейся седока и теперь неспешно рысившей по полю. Если повезет, зверюга даст себя поймать, а если очень повезет, у печенежского седла найдется притороченный тул со стрелами...

Злату повезло. А потом очень повезло. Гнедая кобыла, не ерепенясь, дала ухватить себя под уздцы, и у ее окровавленного седла впрямь отыскался кожаный саадак.

Златомир быстро высыпал стрелы себе под ноги, схватил одну — она была легче тех, которыми пользовался он, но привередничать сейчас было негоже — и, уже натянув тетиву, увидел, как конь

Истислава рухнул с истошным, разрывающим душу ржанием. Из шеи гнедого торчала стрела, вторая воткнулась ему в грудь. Златомир выстрелил в печенежского лучника в тот миг, когда тот тоже отпустил тетиву, две стрелы взвились в небо одновременно. Стрела, пущенная Златом, вонзилась в грудь степняку, сметя его с седла; стрела, пущенная печенегом за несколько мгновений до смерти, угодила в голову Истиславу, так и не успевшему выбраться из-под бьющегося в муках коня.

На второго лучника налетели Храбр и Канюк, и все опять смешалось в вопящую кашу.

Злат замер с оперением у щеки, ловя миг, когда можно будет отправить стрелу в полет без опаски, что она угодит не в того человека. Но кони и люди крутились так, что он никак не мог улучшить подходящий момент.

Потом Златомир снова увидел варяга: тот рубил мечом печенега, с трудом отбивающего удары щитом. Меч, вылетевший из руки степняка, болтался на темляке. Печенегу вот-вот должен был прийти конец, но его неволью спас Канюк, лошадь которого толкнула Семаргла, когда свержич замахнулся топором на степняка в сверкающем шлеме. Печенег ушел от удара, свесившись с лошадиного бока, быстро секанул мечом снизу, а выпрямляясь, ударил еще раз. Хлестнула кровь,

Канюк заорал дурным голосом, пополз с коня, но все-таки успел рубануть топором по руке, сжимающей меч. Едва крючконосый свержич грянулся о землю, как его истоптали лошади, а меч Храбра почти сразу напрочь снес голову в островерхом шлеме, и убийца Канюка рухнул рядом о своей жертвой.

Теперь варяг и Храбр сражались вдвоем против троих. Уцелевшие печенеги пронзительными воплями отогнали в сторону коней с пустыми седлами и попытались взять врагов с трех сторон, но один, только что чудом избежавший меча Угрюма, в последний миг струсил, отшвырнул изрубленный щит и послал лошадь в сторону, собираясь сбежать. Тем самым он подарил Златомиру желанную цель.

Беглец проскакал не больше трех саженей, когда в затылок ему вонзилась стрела, прямо под привешенный к шапке развевающийся волчий хвост. Лошадь без седока галопом помчалась дальше и, наконец, скрылась за пригорком, из-за которого не так давно вылетели восемь лихо завывающих всадников.

Шестеро из этих восьми валялись теперь на истоптанной, раскисшей от крови земле, и только двое все еще пытались прикончить Угрюма и Храбра. Одному из них, в тускло поблескивающей кольчуге, почти удалось достать свея мечом, но

варяга прикрыл Храбр, вогнав своего коня между Семарглом и печенежским гнедым. Кони сшиблись, кусаясь и визжа; прямой меч ударился о изогнутый клинок.

Златомир едва сумел удержать готовую сорваться в полет стрелу, когда впереди опять все закрутилось орущим, воющим, визжащим клубком, и широкая спина Угрюма заслонила печенега, которого Злат хотел ссадить с седла.

Глядя вдоль древка, мимо двушипного наконечника, Злат сосредоточенно искал цель — но резко вздрогнул и опустил лук. Угрюм слетел-таки с Семаргла. Однако, падая, своей сумел прихватить с собой своего противника, и они покатались меж трупами, осыпая друг друга ударами. Варяг оказался сверху, его чуть не придавил орущий печенег, которого от плеча рубанул и сбросил с лошади Храбр.

Быстро сунув лук в налучь, Злат побежал туда, где угасала битва. Он боялся, что ошалевший Семаргл сейчас уйдет, сорвется в галоп, и тогда ищи ветра в поле! Но игрневый жеребец сразу отозвался на голос и свист, заржал и порысил навстречу хозяину.

С ласковыми причмокиваниями Злат схватил коня под уздцы, осмотрел от покрасневшей, слипшейся от крови гривы до таких же кровавленных копыт. Вроде бы, вся кровь была

чужой, а самой серьезной раной, которую получил жеребец, оказалась длинная царапина на шее. Украденный варягом тул, по счастью, был плотно закрыт, так что кровь не испортила оперение стрел. Убедившись в этом, Злат повесил тул на бедро — и вдруг понял, что вокруг стало очень тихо.

Совсем тихо.

Не слышалось больше ни криков ярости и боли, ни бешеных проклятий на трех языках. Конь Истислава тоже замолк, Злат даже не заметил — когда.

Взглянув через спину Семаргла, Златомир увидел, что варяг медленно поднимается, держа в руке окровавленный меч. На земле у ног Асгрима лежали два печенега, Злат решил было — мертвых, но один из них вдруг поднял руку, моля о пощаде. Изогнутый меч в руках свея взлетел и опустился, потом снова взлетел. Последний удар почти отделил голову в остроконечной шапке от тела, и все-таки варяг с клокочущим рычанием рубанул еще раз.

Храбр молча смотрел на это с седла.

Злат попятился, держа под уздцы нервно фыркающего Семаргла.

Варяг бросил оружие, шагнул к печенежской лошади, закинул обе руки на седло и положил меж них подбородок. С окровавленной маски, к которой прилипли сосульки слипшихся волос, на Злата

глянули ярко-голубые глаза.

— Никогда... больше не буду... сражаться верхом, — хрипло проговорил Асгрим.

Златомир с трудом сглотнул, внезапно осознав, что его и залитого кровью убийцу разделяет всего полтора десятка шагов. То, что красные по локоть руки варяга были пусты, а у Злата под рукой имелись лук и стрелы, почему-то не слишком ободряло.

Угрюм на мгновение закрыл глаза, потом снова открыл и спросил:

— Ну?

— Что — «ну»? — снова сглотнув, переспросил Злат. У него вдруг пересохло в горле.

— Все еще думаешь меня продать?

— Я... Нет...

Варяг выпрямился, глаза его полыхнули ледяной ненавистью.

Злат напрягся, готовый выхватить лук и стрелу, но свей уже стоял перед печенежской лошадью, и в руке его была сулица, выдернутая из чехла при седле.

— Подожди! Я...

— Если будешь очень громко скулить, пес, может, подарю тебе жизнь. А может, нет. Харальд еще не получил от меня погребального дара...

Храбр, качнувшись, вдруг начал падать с коня, и Асгрим прыгнул в сторону, чтобы его

подхватить. Выпавшая из руки варяга сулица воткнулась в окровавленную землю.

Глава седьмая. Уговор

— Кой в этом толк? — проворчал Злат. — Он все равно что покойник.

Глубокая рубленая рана шла наискосок по груди Храбра, в бороде и на лице запеклась кровь. На губах, правда, не пузырилось, но все же рана была скверной, и промывать ее следовало бы не кумысом, отыскавшимся в баклаге при седле одной из печенежских лошадей, а отварами тысячелистника и зверобоя... Хотя свержича все равно не успеет схватить огневица, раньше он изойдет кровью.

— Кой в этом толк... — продолжал ворчать Злат, прихлебывая из баклаги и глядя, как Угрюм затягивает повязку на груди раненого. Варяг порвал на полосы одежды убитых печенегов, оттого неясно было, какие красные пятна на повязке — вражьи, а какие — свержича. — На кой тебе ляд, не пойму, возиться с...

Варяг зыркнул на него так, что Златомир подавился кумысом. Он понимал, что лучше бы ему помолчать, не злить Угрюма, и без того щерившего зубы в ответ на каждое неосторожное движение или слово. Но понимать — одно, а делать — совсем

другое, со Златомиром частенько так бывало. А сейчас его язык и вовсе отказывался слушать приказов головы, в которой все еще слегка кружилось, словно после большой кружки медовухи. Слишком низко пронеслась едва не задевшая его смерть, Злат до сих пор слышал шелест ее чешуйчатых крыльев. И, как всегда, стоило скрыться холодной крылатой тени, как все звуки стали чересчур резкими, краски — чересчур яркими, а слова — чересчур быстрыми, наобум слетающими с языка.

Златомир и варяг стояли на коленях друг напротив друга на истоптанной земле, над которой витал тяжелый запах недавней сечи: крови, железа, ярости, боли, страха. Крепкая здесь вырастет пото м одолень-трава. Лежавший между ними Храбр дышал хрипло, с присвистом, и Злат впрямь считал, что они понапрасну теряют время. Лучше было бы начать собирать добро убитых. Он уже смирился с потерей раба, да и о чем тут было жалеть, если за лошадей, печенежское оружие, турьи рога и шкуру он получит впятеро больше, чем надеялся выручить за продажу варяга... Получит, если бывший раб не прикончит и не продаст его самого и если свержичи отпустят его с миром, когда он явится в Свержий Лог один-одинешенек, без ватаги.

Злат никак не мог понять, что творится в башке Угрюма. После того, как своей сорвал с него

свою гривну с амулетом и вернул себе золотое кольцо, он сказал едва ли три десятка слов, половина из которых были угрожающими и бранными. Но, поскольку Златомир все еще был жив и не связан, он старался не обращать внимания на угрозы и только радовался, что кольцо было у него за пазухой, а не на руке. Судя по лицу Угрюма, тот охотно вернул бы себе кольцо вместе с отрубленным пальцем «гарда». Но свей ограничился тем, что перерезал тетиву его лука и всех печенежских луков, найденных на трупах или притороченных к седлам пойманных лошадей. И он даже не скрутил Злату руки, только отобрал у него оба ножа — охотничий и засапожный.

Не раз и не два Златомир мог бы махнуть на спину Семаргла и сбежать, но ему до боли не хотелось бросать богатую добычу. На вырученное за печенежских лошадей и прочее захваченное добро можно будет безбедно провести зиму в любом из Непровских городов, может быть, даже две зимы. Не раз и не два Злат мог метнуть в варяга нож, который сумел незаметно выудить из сапога Мстислава. Но Злат видел, как убивает свей, и знал, *что* будет, если не удастся уложить викинга наповал. Вообще-то у него душа не лежала убивать Угрюма, но если свей нацелился на добычу, этого все равно не миновать. А какой варяг не жаден до поживы?

— Думаешь, он тебе заплатит за хлопоты? — спросил Златомир, кивнув на Храбра. — Сдается, он просто не успеет прожить так долго, чтобы заплатить.

Варяг вскинул глаза на Златомира, и, глядя в эти ярко-голубые ледышки, Злат снова почувствовал холодное дуновение чешуйчатых крыльев.

— Мы сражались вместе, — без выражения проговорил свей. — Он меня прикрывал.

— А... — Злат сглотнул и потряс баклагой с остатками кумыса. — Тогда лады. Слушай, надо бы заняться туром, пока не провонял. В Киеве за такую шкуру заплатят серебряную гривну, никак не меньше. Копыта тоже можно будет загнать — многие считают, вишь, что истолченный порошок из турьих копыт увеличивает мужскую силу. А уж за рога киевляне отвалят...

— Ватага... — перебил его хриплый шепот.

Златомир, вздрогнув, наклонился над раненым. Глаза Храбра были теперь открыты, но смотрели незнамо куда.

— Исти... слав?...

— Убит, — коротко ответил Злат.

Храбр моргнул. Теперь он смотрел на наклонившегося над ним Златомира. Окровавленные губы снова шевельнулись:

— Канюк?

— Убит, — снова сказал Злат и поднес к губам Храбра баклагу с кумысом. — На-ка, хлебни!

Варяг поддержал голову раненого, тот сумел сделать два глотка, глянул на свою грудь и стонуще выругался.

— Да, не повезло, — кивнул Злат.

Храбр немного полежал с закрытыми глазами, собираясь с силами. Потом прищурился на высоко стоящее солнце и снова взглянул на Златомира.

— До Свержьего Лога уже недалече... к вечеру доберемся...

Злат приподнял брови, но промолчал.

— Заверни во что-нибудь... убитых... подними на коней... — продолжал Храбр. — Кони... целы?

Златомир мотнул головой туда, где возле края рощи были привязаны Семаргл, вороной Канюка, гнедой Храбра — и печенежские кобылы. Златомиру и Угрюму удалось изловить пять лошадей степняков, две ушли, а еще одна была так тяжело ранена, что варяг вогнал ей в голову стрелу, прежде чем перерезать тетиву лука, найденного у ее седла. Сам Злат управился бы с этим лучше, у него коняга затихла бы на втором биении сердца, а не на пятом, но свей не захотел давать ему в руки лук.

С трудом повернув голову, Храбр глянул на коней.

— Степные кобылы... под седло, не под

ярмо... но на что-нибудь да сгодятся...

— Кому сгодятся? — подозрительно спросил Злат.

Храбр повел на него непонимающим взглядом.

— Верви... кому ж еще...

— Что-о?!.

Асгрим схватился за меч, когда Златомир вдруг с громким криком вскочил.

Сперва Асгрим подумал, что гард заметил нового врага. Потом, когда тот принялся орать и размахивать руками, решил, что Златомир спятил. Сыну Рагнара уже не раз и не два хотелось выбить желтоволосому гарду все зубы, и не сделал он этого только потому, что за беззубого раба на рынке в Кенугарде дали бы гораздо меньше. Не раз и не два ему хотелось связать Златомира, но тогда пришлось бы в одиночку возиться с лошадьми и быком, а на это ушел бы весь остаток дня. Асгрим не хотел задерживаться тут надолго, но и бросать добычу тоже не хотел. Какой викинг откажется от поживы?

— ...Может, вам еще и тура отдать?!.

— Ты нанялся, чтобы...

— Я нанялся, чтобы провести твою ватагу от Свержьего Лога до Белолесья и обратно, — перебил Златомир. — Так, чтобы вас не тронул в пути ни

зверь, ни человек, ни сам лесной хозяин. Я провел вас туда, как и уговорились. Потом привел обратно. Я это сделал, так или не так?

— Чтобы нас никто не тронул, да... — пробормотал Храбр, глядя на валяющиеся неподалеку трупы.

— То, что степняки порубили вас на этом поле — не моя вина! — крикнул Злат. — Мы уговаривались, что я проведу вас по землям древлян и непровичей — а тут уж ваша земля! И не было уговора, чтоб я отдал твоей верви все, что добыто мною в бою!

— А ты... был... в бою?... — ядовито просипел Храбр.

— Глянь сам — видишь в трех трупах мои стрелы? Я уложил побольше степняков, чем ты, старшой! Без меня, небось, ты был бы сейчас там же, где Истислав и Канюк. Я уговор выполнил, да с лихвой. А о том, чтобы возиться с убитыми и ранеными, не было уговора!

Храбр презрительно скривил окровавленные губы, снизу вверх глядя на Златомира.

— Хочешь меня бросить?

— Хочешь, чтобы я возился с твоими убитыми и с тобой? — уперев руки в бока, спросил Злат. — Ну, тогда придется заключить новый уговор.

Храбр сложил губы, будто собираясь

плюнуть, но выплюнул только одно слово:

— Сколько?

— Четыре лошади — мои, — быстро ответил Златомир. — И — добро четырех степняков.

— Ты сказал... что прикончил троих?...

— Бараклишко четвертого — за то, что довезу тебя и твоих мертвяков до Свержьего Лога.

На этот раз Храбр и вправду попробовал плюнуть, но только оплевал свою окровавленную бороду.

— Велесов внук! Волчий сын!

— Да, — кивнул Злат. — Я таков. Так что?

Уговор?

Свержич скрипнул зубами.

— Уговор, — выдохнул он.

Потом посмотрел на молчаливого варяга.

— А что скажет он?

— Что он говорит? — Асгрим перевел взгляд с седобородого на Златомира.

— Ему не терпится вернуться в Свержий Лог.

Асгрим кивнул. Ему хотелось спать, а еще больше хотелось выпить. Он надеялся, что в этом Свержелогe найдется что-нибудь покрепче странной бурды, которая отыскалась во фляге при седле одной из захваченных лошадей.

— Скажи, что я отвезу его домой...

— За сколько? — выпалил Златомир.

Асгрим встал, и гард сделал шаг назад. Златомир был на голову ниже сына Рагнара, гораздо у же его в плечах и — далеко не в первый раз — Асгрим усомнился, что вырученное за такого раба серебро окупит хлопоты и головную боль, связанную с доставкой этого раба на кенугардский рынок.

— Он для тебя чужак? — сквозь зубы спросил Асгрим.

Златомир кивнул, взглянул на небо и пожал плечами.

— Свержичи обещали мне восемь ногат, если я проведу их до Белолесья. Хотели сговориться с тамошним людом вместе обороняться от...

— Далеко отсюда до Свержелога? — перебил Асгрим.

Его не интересовало, зачем соплеменники седобородого наняли Златомира. Но за *сколько* они его наняли, было интересно узнать. Видать, в Свержелоге водились деньги.

— Третью дня пути верхами.

Асгрим встретился глазами с седобородым, немного поколебался.

— Скажи — я доставлю его домой за три лошади в полной сбруе, четыре меча и кольчугу.

— Что он сказал? — прохрипел Храбр у ног Златомира.

— Что без меня вас всех бы поубивали и что я могу взять из добычи все, что захочу, — выпалил Злат.

Храбр пробормотал несколько очень скверных слов.

— Что он сказал? — рыкнул Угрюм.

— Что без меня вас всех бы поубивали и что я могу взять из добычи все, что захочу...

Варяг почти в точности повторил на своем языке слова, которые только что выдал Храбр.

— ...После того, как ты возьмешь свою плату, — торопливо добавил Златомир.

— Ступай займись быком, а я сделаю носилки, — велел варяг. Повернулся и зашагал к лесу, остановившись по дороге только для того, чтобы вынуть топор из окоченевших пальцев Канюка.

Златомир проводил его задумчивым взглядом.

«Могу поспорить, никто в Свержье Лог и не подумает за него вступить, когда он привезет туда труп Храбра. Кто же любит чужаков, тем более наглецов-варягов! Так что мы еще поглядим, кому достанутся лошади, мечи, кольчуга и шлемы... Не говоря уж про турью шкуру».

Глава восьмая. Свержий Лог

Они ехали на закат, то по стежкам, то просто

по полю, то по тропинкам, петляющим меж купами дубов и лип.

Впереди — Златомир на гнедом коне, принадлежавшем прежде убитому крючконосому гарду, за ним — могучий вороной седобородого. Между конями были прилажены носилки, на которых лежал хозяин вороного. Седобородый то терял сознание, то снова приходил в себя, но пока держался. Асгрим надеялся, что гард продержится до Свержелога. Если он привезет не раненого, а труп, будет труднее получить у местного люда выпивку, ночлег и условленную награду. Положим, он мог бы и сам взять все, что захотел, бросив бородача подышать в поле, но человек, лежащий на носилках, прикрывал его в бою, может быть, спас ему жизнь. Каждый викинг любит поживу, но вырученное за любую поживу серебро в конце концов уйдет, как вода в песок, а слава человека надолго остается на земле.

Асгрим ехал на игреневом жеребце, присматривая за захваченными лошадьми и время от времени возвращая обратно строптивых. Особенно нервничала кобыла, на которую была навьючена свернутая шкура и огромная рогатая голова убитого быка. Тура, как называл это чудовище Златомир. Те лошади, что везли завернутые в кожи трупы гардов, вели себя куда спокойнее.

Златомира не обрадовал приказ взять гнедого, и он сел в седло мрачнее зимнего моря. Асгрим не сомневался, что именно в отместку за то, что у него отобрали коня, окаянный гард то и дело свистел и верещал на все птичьи голоса, заставляя игреневого жеребца танцевать и мотать головой.

Асгрим грозно велел Златомиру заткнуться. Очнувшийся в очередной раз седобородый тоже велел ему заткнуться — верней, что-то простонал, но Асгрим понял полуприказ-полумольбу замолчать так же ясно, как если бы раненый говорил на шведском языке.

Златомир ненадолго умолк, но после короткого привала, сделанного у небольшого ручейка, принялся петь.

На этот раз седобородый ничего не сказал — он снова потерял сознание, и Асгрим слегка позавидовал ему. Он был сыт по горло голосом Златомира. Асгрим рявкнул певцу, чтобы тот подавился своим языком, а Злат, не оборачиваясь, ответил, что сочиняет «былину» о недавней битве с печенегами, чтобы повсюду прославить геройство Асгрима, сына Рагнара, в одиночку уложившего в рукопашной схватке восемь свирепых степняков. При этом спина гарда, казалось, ухмылялась, как будто на ней была пасть от лопатки до лопатки.

Асгрим ударил пятками игреневого жеребца, собираясь догнать Златомира и вколотить наглый

язык ему в глотку, но тот вдруг заткнулся сам, привстал на стременах и вытянул руку.

— Свержий Лог!

Сперва Асгрим ничего не увидел, кроме все того же холмистого по ля и рощи, омытых красным светом вечернего солнца. Потом разглядел сквозь деревья частокол, а там, где к этому частоколу подходила тропинка, — два резных столба, похожих на столбы в Хосебю, посвященные домашним богам.

— Храбр! — обернувшись, окликнул Златомир — и добавил что-то на языке гардов.

Седобородый не ответил, но Асгриму хотелось думать, что он еще жив.

Они успели проехать полпути до резных столбов, когда впереди раздался тонкий детский крик и за деревьями мелькнул ребенок в длиннополой белой рубашонке — не поймешь издали, мальчик или девочка. Ребенок со всех ног кинулся к частоколу, скоро из-за него зазвучало несколько голосов, и на тропинке появилась дюжина мужчин, вооруженных чем-то примитивным, но довольно-таки страхолюдным.

Златомир прокричал несколько слов, и Асгрим с облегчением увидел, как оружие опустилось, когда мужчины один за другим потянулись навстречу маленькому отряду. А потом увидел еще кое-что. Неподалеку от левого столба

лежало несколько трупов.

Наверное, Златомир тоже увидел их, потому что быстро соскочил с коня и побежал к гардам, к которым теперь присоединились женщины и дети.

А еще несколько биений сердца спустя игрневый жеребец под Асгримом чуть не взвился на дыбы от истошного вопля Златомира.

Вскоре кричали уже все. Выли и причитали женщины, цепляясь за стремяна лошадей, везущих трупы убитых гардов. Кричала и плакала девушка над носилками Храбра. Визжали ребятишки, путаясь под ногами взрослых и коней. Что-то яростно орал Златомир, хватая за грудки то одного, то другого мужчину. Те злобно огрызались и отталкивали его. Женщины вопили на Златомира.

Асгрим хмуро смотрел на это помешательство с седла игрневого жеребца.

Он сосчитал трупы у столба — их было три, все в знакомых долгополых одеждах, в остроконечных шапках, в полупанцирях из буйволовоy кожи. Потом окинул взглядом прибывающую толпу. Ссадины и синяки на лицах многих мужчин, безумие в глазах растрепанных женщин, истерические нотки в голосах говорили сами за себя: завывающий вихрь, налетевший на Асгрима сегодня утром и стоивший жизни двум товарищам седобородого, промчался и через это

селение — судя по всему, совсем недавно. Пятна на повязках еще не успели почернеть, ссадины все еще кровоточили.

Асgrim ловил на себе злые, настороженные, мрачные взгляды и понимал, что его надежды на гостеприимную встречу в Свержелого пошли прахом. Людей вокруг становилась все больше; несколько раз ему приходилось класть руку на рукоять меча и рывкать, когда кто-то пытался схватиться за стремя одной из печенежских лошадей.

Златомир все еще бесновался в толпе, похоже, пытаясь убить тех жителей Свержелого, что уцелели при нападении степняков.

Носилки с Храбром отвязали и понесли в селение. Девушка, хватаящаяся за них, вопила по седобородому, как по мертвому.

Асgrиму вдруг захотелось развернуть коня и ускакать куда глаза глядят, наплевав на добычу. Да и зачем ему то, что повиснет на нем сковывающим грузом? Зачем тратить ярость на горластого гарда Златомира, когда все еще жив ярл Лейв Безносый?

Асgrim не вмешался, когда простоволосые женщины с опухшими от плача лицами, настороженно поглядывая на него, потянули под уздцы двух лошадей с перекинутыми через седло трупами. Он решил забрать себе только кобылу, которая везла в числе прочего добра два шлема и